

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?

**Политическое сознание,
повседневные практики,
новые идентичности**

Материалы научной конференции
студентов и аспирантов

25 Апреля 2009 года, Санкт-Петербург

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61
К65

К65 **Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности : материалы научной конференции студентов и аспирантов (25 апреля 2009 года, Санкт-Петербург).** — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 88 с.

ISBN 978-5-94380-086-3

Издание представляет собой сборник материалов конференции «Конструируя “советское”?» (25 апреля 2009 г., Европейский университет в Санкт-Петербурге). Участники конференции попытались осмыслить феномен «советского» через призму новых подходов и новых источников. В сборнике представлены работы по следующим темам: гендерные исследования, ностальгия по советскому, организация досуга, аграрная история, политический протест и политические репрессии.

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61

СОДЕРЖАНИЕ

Баранова Алиса

Поле — кухня — завод: институт домашних работниц как механизм социальной мобильности женщин эпохи сталинизма 5

Бондаренко Сергей

Вопрос о «любителях» и «профессионалах» в советском футболе, 1935–1940 годы (тезисный план главы из дипломной работы «Футбол в жизни советского общества второй половины 30-х годов») 10

Иванова Анна

«Тогда люди были более высоких моралей»: к вопросу о причинах и формах ностальгии по эпохе застоя 14

Карнаухов Сергей

К вопросу о раскрестьянивании (на примере сибирских деревень) 18

Кедров Николай

Власть и крестьянство в 1930-е годы: характер политической коммуникации в северной деревне 24

Кочеткова Елена

Организация досуга национальных рабочих Карелии в 1920–1930-е годы: отдых или повод для недовольства? (на примере строительства Кондопожского ЦБК) 29

Кузнецова Людмила

Культурно-массовая работа на курортах: «У нас громадная жажда культуры...» 34

Лёзина Евгения

Феномен ностальгии по советскому прошлому и выбор общественно-политической перспективы в постсоветской России 39

Мальшева Евгения

Роль партийной организации в регулировании общественной и личной жизни крестьянства в 1920–1930-е годы (по партийным документам Нижне-Увельского района Троицкого округа Челябинской области) 44

Овсеян Карина

Биография советской женщины-ученой как исследовательская проблема 50

Резник Александр

«Наша оппозиция довольно ручная...» (к истории внутрипартийных конфликтов в Перми в 1923–1924 годах) 56

Соколов Юрий

Пропаганда советского досуга в годы Гражданской войны (на материалах Европейского Севера России) 61

Стриха Ярослава

В поисках утраченного времени: ностальгический дискурс в творчестве Сергея Жадана 66

Суслов Иван

«Вражеские» голоса в повседневной жизни советских людей, или почему кремлевские вожди опасались всеобщей радиофикации страны 71

Тереженков Леонид

Публичный донос «30-х годов» как способ конструирования «истинно советской и большевистской» биографии 76

Яценко Ольга

Реконструкция образа советской женственности: между личным и политическим (на примере биографического интервью с женой номенклатурного работника) 81

Баранова Алиса

Пермский государственный университет
Историко-политологический факультет
Соискатель
alissaklots@yandex.ru

**ПОЛЕ — КУХНЯ — ЗАВОД:
ИНСТИТУТ ДОМАШНИХ РАБОТНИЦ КАК МЕХАНИЗМ
СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН
ЭПОХИ СТАЛИНИЗМА**

Сталинская коллективизация деревни дала старт к беспрецедентной миграции крестьян в города, продолжавшейся с различной интенсивностью вплоть до 1960-х гг. Изучение механизмов и стратегий миграции женщин из деревни в город играет важную роль в исследовании сталинского общества в целом и проблемы социальной мобильности в частности.

В данной работе предпринимается попытка проанализировать трудоустройство в качестве домашней работницы как женскую стратегию приспособления к новым социальным условиям в деревне, специфическую альтернативу отходничеству мужчин. В качестве основных источников использованы материалы прессы и интервью респондентов, семьи которых нанимали домашних работниц в 1930-50-х гг. В дальнейшем планируется использование архивных материалов.

Хождение девочек из бедных семей, а также вдов и сирот в «чужие люди» было распространенным явлением в дореволюционной деревне. По мнению некоторых исследователей, одним из основных мотивов этого выбора было стремление заработать на приданое, обзавестись семьей и по возможности снова вернуться в сельское хозяйство[1]. Юная нянька (пестунья) зачастую не покидала пределов собственного села, работая на более обеспеченных соседей.

Второй сценарий для деревенских женщин предполагал трудоустройство в качестве наемной прислуги в городе. Думается, что желание приобщиться к городской жизни играло определенную роль в выборе места работы, однако на первом месте стояло все-таки стремление получить определенный доход, так как городская прислуга зарабатывала значительно больше, чем прислуга в сельской местности[2].

В любом случае в дореволюционной России главным мотивом устройства на работу в качестве прислуги было желание добиться определенного заработка.

Ситуация стала меняться после прихода к власти большевиков. Идеология доминирования пролетариата сделала социальный статус промышленного рабочего очень притягательным. Место домашней работницы постепенно стало рассматриваться как «шаг к станку»[3]. Мигранты из сельской местности, в том числе и женщины, хлынули в города в поисках работы. Однако в связи с высоким уровнем безработицы и страхом перед «непролетарскими элементами» на производстве государство сделало ставку на кадровых рабочих-мужчин, стараясь оградить рабочие места от крестьянских мигрантов и женщин[4].

С началом индустриализации резко возросла потребность в рабочих руках на производстве, что подняло волну «отходничества» крестьян из колхозов. Однако, как показывает Ш. Фицпатрик, мужчины уезжали чаще, чем женщины, поскольку, во-первых, женщина была привязана к детям и приусадебному участку, а, во-вторых, молодые мужчины получали паспорта после службы в армии, что облегчало трудоустройство в городе[5].

Несмотря на то что промышленность нуждалась в рабочих руках, женщины-крестьянки были «последними в очереди» у заводских ворот: при найме предпочтение отдавалось мужчинам и женщинам — женам и дочерям рабочих[6]. Таким образом, крестьянкам, стремившимся покинуть колхоз и устроиться в городе на производстве, сделать это было не так-то просто. Место домашней работницы становилось этапом в сложном процессе социальной трансформации.

По-видимому, наем колхозниц в домашние работницы происходил так же, как и отходничество у мужчин. Большинство из селянок искали работу в городе сами или через родственников и знакомых. Иногда потенциальные наниматели обращались к председателям колхозов с просьбой дать им девушку в домработницы. Как и в случае оргнабора мужчин на производство, представители нанимающей стороны давали взятку председателю[7].

Устроившись у частного нанимателя, девушка получала гордое звание «работницы», а также право на расчетную книжку, отпуск, выходной день, пособие при временной потере трудоспособности и другие социальные гарантии в соответствии с законодательством о труде. Одним из основополагающих документов по этому вопросу было Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 февраля 1926 г. «Об условиях труда работни-

ков по найму, выполняющих на дому у нанимателя (домашние работники) работу по личному обслуживанию нанимателя и его семьи». Для многих домработниц права оставались лишь на бумаге, так как далеко не все наниматели заключали договоры и соблюдали трудовое законодательство. Об этом, в частности, с негодованием писала жительница Винницкой области в газету «Труд», сообщая, что хозяева «бесцеремонно эксплуатируют работниц, не предоставляя им выходных дней, не выплачивая зарплаты, увольняя их без всяких причин и т. п.»[8].

Нередким был и другой вариант отношений домработницы и нанимателя. Молодая девушка, часто 13–16-летняя девочка, становилась как бы младшим членом семьи. Многие респонденты рассказывают о том, как домработницу «учили готовить», «устраивали на работу», «выдавали замуж»[9].

Многие домработницы вступали в профсоюз, часть из них училась в общеобразовательных школах и техникумах. Совмещать работу и учебу было тяжело не только физически, но и психологически, так как часто хозяева грозились уволить рвущуюся к знаниям прислугу. Показательна в этом плане история домработницы-студентки Зои Кашинцевой, покончившей с собой из-за того, что тяжелая работа не позволяла ей справляться с нагрузкой в техникуме[10].

Домашняя работница — уже не крестьянка, но еще не пролетарий. О такой половинчатости в статусе домработниц говорит ряд формальных и неформальных признаков. Например, для домработниц была введена особая форма прописки, которой они, по всей видимости, лишались вместе с потерей места[11].

На протяжении 1930-х гг. официальная пропаганда постоянно подчеркивала, что работа у частных нанимателей — это временный этап. Главный лозунг политики государства в этой области звучал так: «Домашним работницам — все условия для учебы, для продвижения вперед!»[12]. Со страниц журналов и газет бывшие домработницы признавались в том, что они хотели стать работницами не «домашними», а настоящими. Вспоминая свою жизнь у хозяйки, бывшая домработница искренне рассказывает, что все время «спала и видела, что я на заводе»[13].

Несмотря на то что советская пресса, безусловно, подвергалась цензуре, думается, что газетные истории о домработницах и их мечтах о заводе отражали реальное положение вещей: большая часть из опрошенных на данный момент респондентов говорили о том, что после нескольких лет службы молодые домашние работницы устраивались на производство.

В 1941 году советское правительство достаточно круто меняет свое отношение к институту домашних работниц. Вслед за собранием домработниц Московской области в Колонном зале Дома Союзов в центральных изданиях были опубликованы «программные» статьи, в которых прописывалось место домашних работниц в советском обществе. Отныне главная задача домработницы — обеспечивать «производительность труда нанимателя», так как на ней лежит ответственность за питание, чистоту жилища, отдых и воспитание детей. Не менее важной обязанностью домработницы является «бережная охрана социалистической собственности»: жилищного фонда, газа, воды. Идеальная домработница состоит в профсоюзе, участвует в общественной деятельности. И главное, домашняя работница должна быть профессионалом. В пример ставятся домработницы, «проработавшие в семье нанимателя по 10–15 и более лет»[14]. Таким образом, домработница, с точки зрения государства, должна превратиться в профессиональную прислугу.

Конечно, большинство домашних работниц стремились найти другую работу. И причиной тому были не только более тяжелые условия труда, отсутствие собственного жилья, чрезвычайно низкая зарплата и тягостная зависимость от нанимателя. Домашняя работница не имела шансов стать советской женщиной в полном смысле этого слова, поскольку не могла выполнить гендерный контракт «работающая мать»[15], лежавший в основе сталинской гендерной политики.

Проживая в семье нанимателя, домработница не имела возможности не только завести семью, но и содержать уже имеющихся детей. В разгар дискуссии об абортах врач московской женской консультации Шестакова выступила с характерным предложением: «Наряду с расширением детских садов и яслей надо увеличить количество домов матери и ребенка, двери которых должны быть широко раскрыты для матери — домашней работницы... при приеме детей в ясли домработниц уравнивать в правах с работницами промышленных предприятий»[16]. На практике никаких конкретных шагов в этом направлении сделано не было, матерям-домработницам оставалась либо возвращаться в деревню, либо отдавать ребенка родственникам или в детский дом.

Особенно драматичными были ситуации, когда домработницы становились жертвами сексуального домогательства со стороны членов семьи нанимателя, как в случае, рассказанном респондентом из Симферополя: «Ну и у Вовки была домработница. Хорошая, обеспеченная семья, богатая и все. Ну и как... и домработница у них была из деревни. Как-то уж они ее склонили. Ну и Вовка пользовался, и она по-

том забеременела... А родители были высокопоставленные и все. Они ее в деревню спланировали»[17].

Таким образом, судьба домашней работницы во многом зависела от отношений с нанимателями, которые могли как ускорить социальную трансформацию девушки из деревни, так и лишить ее возможности устроить свою жизнь в городе.

Крестьянская миграция в города не прекращалась на протяжении всего «сталинского» периода советской истории. Мужчины и женщины вырабатывали разные миграционные стратегии, и работа в качестве домашней работницы была одной из них. На данном этапе исследования представляется, что эта стратегия была достаточно эффективной и позволяла женщинами из деревень продвинуться вверх по социальной лестнице.

Примечания

[1]. *Hutton M.* Russian and West European Women, 1960–1939: Dreams, Struggles, and Nightmares. New York, 2001. P. 76.

[2]. Ibid.

[3]. См.: *Spangolo R.* When Private Home Meets Public Workplace: Service, Space, and the Urban Domestic in 1920s Russia // *Everyday Life in Soviet Russia: Taking the Revolution Inside* / Ed. by Ch. Kiar and E. Naiman. Indianapolis, 2006. P. 230–255 (здесь: P. 247).

[4]. *Goldman W.* Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia. Cambridge University Press, 2002. P. 8.

[5]. См.: *Фицпатрик Ш.* Сталиньские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 97.

[6]. См.: *Goldman W.* Op. cit.

[7]. См.: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. 336 с. (здесь: с. 292).

[8]. Домработницы вне союза // Труд. 6 октября 1934 г. С. 3.

[9]. Запись интервью от 4 февраля с Л.И. Зиновьевой; запись интервью от 24 января 2009 г. с А.Д. Эйнгауз (архив автора).

[10]. Человека не стало // Труд. 15 июля 1935 г. С. 4.

[11]. По следам заметок // Работница. 1934. № 31. С. 16.

[12]. Огромная тяга к культурной жизни // Труд. 18 октября 1935 г. С. 3.

[13]. Обязательство выполнено с честью // Работница. 1937. № 34. С. 7.

[14]. Домашняя работница // Работница. 1941. № 8. С. 19.

[15]. См.: *Е. Здравомыслова, А. Тёмкина.* История и современность: Гендерный порядок в России // Гендер для «чайников». М., 2006. С. 64–69.

[16]. Замечание врача // Труд. 3 июня 1936 г. С. 2.

[17]. Запись интервью от 7 января 2009 г. с А.И. Сайбель (архив автора).

Бондаренко Сергей

Московский государственный университет

Исторический факультет

Студент 5-го курса

bond57@rambler.ru

ВОПРОС О «ЛЮБИТЕЛЯХ» И «ПРОФЕССИОНАЛАХ» В СОВЕТСКОМ ФУТБОЛЕ, 1935–1940 годы

(тезисный план главы из дипломной работы «Футбол в жизни советского общества второй половины 30-х годов»)

В самой постановке вопроса о любителях и профессионалах заложено множество противоречий. Прежде всего, кого считать «профессионалом», а кого «любителем»? С одной стороны, эти слова в русском языке имеют несколько значений и могут использоваться и в прямом, и в переносном смысле. С другой стороны, и в одно отдельно выделенное, достаточно конкретное значение можно вложить понятие, которое размывает изначальный смысл слова.

Слова «любитель» и «профессионал» претерпели некоторую трансформацию в рамках «советского новояза»[1] и, лишившись нейтрального значения, приобрели оценочный смысл. Именно в системе «любитель–профессионал», «социалистическое–буржуазное» советский футбол декларативно провозглашается любительским (о механизме подобного перехода см. также статьи Аверинцева С.С.[2]).

Формально каждый футболист приписан к своему месту работы: какому-либо учреждению, заводу, фабрике (например, директором фабрики числился и некоторое время работал Андрей Старостин), в реальности же советский футболист, играющий на достаточно высоком уровне, во второй половине 30-х гг. уже нигде не работает — он тренируется и играет в футбол.

Несоответствие этого положения советскому законодательству можно было «обойти» без больших сложностей — футболисты получали «зарплату» на своих «рабочих местах». Начиная с 1937–1938 гг. всё большее распространение получает система «стипендий» для игроков, что также представляет собой завуалированную форму «профессионализма».

По данным, которые приводит А. Вартамян[3], средняя зарплата игрока команды группы А советского футбольного чемпионата сопо-

ставима с суммой, получаемой профессиональным футболистом в высшем английском дивизионе (без учета сравнительной покупательной способности рубля/фунта стерлингов).

Возникший разрыв между пропагандистской картиной и реальной действительностью порождает множество трудноразрешимых противоречий. Большинство из них решаются при помощи типичного «двоемыслия»: когда эти расхождения сложным образом соседствуют в умах людей и не мешают друг другу.

К концу 30-х гг. в рамках «Большого Тррора» набирает обороты и разоблачительная кампания против «злоупотреблений» при финансировании футбольных клубов — показательные статьи, «покаяние» виновных в прессе и т. д. Самым крупным делом, которое, тем не менее, не получило должного развития, оказался процесс против команды «Спартак» и его основателей — братьев Старостиных (статья в газете «Красный Спорт» «О насаждении в обществе “Спартак” буржуазных нравов»)[4].

Советские футболисты в этот период практически не встречаются с западными профессионалами, исключения немногочисленны и представляют большой исследовательский интерес: матчи с чехословацким «Жиденице», парижским «Рэсингом», сборной Басконии.

Представления о разнице между «любителями» и «профессионалами», помимо уже упомянутых вопросов полной занятости и оплаты труда, сводились также к нескольким пропагандистским клише, которые призваны были показать «моральное» и «нравственное» превосходство советского любительского футбола над западным — профессиональным. Здесь можно выделить 3 важных образа: *грубость* профессиональных игроков, порочность принятой на Западе *системы переходов из команды в команду* и, наконец, как следствие, — *поведение игроков вне поля*, т. е. требования, которые к ним предъявляются и которые игроки предъявляют самим себе.

Примеры грубости на поле, которую допускают профессиональные игроки, приводит, например, Александр Старостин[5]. В то же время Андрей Старостин трактует похожие эпизоды из своих воспоминаний о встречах с профессиональными командами за рубежом в куда более положительном ключе. Таким образом, реальный критерий размыт. Образцовой «профессиональной» командой, неким собирательным образом зарубежного клуба стали «Королевские буйволы», придуманные Львом Кассилем в романе «Вратарь Республики»[6]. В 1936 и 1938 годах публика могла прочесть, а затем и посмотреть в кино на это дикое,

малосимпатичное сборище грубиянов, которое у Кассиля представляется как «непобедимая зарубежная профессиональная команда».

Грубость советских игроков также порицается. Но причины ее другие — незрелость, невоспитанность игроков, которые пока еще недостаточно совершенны для строящегося социалистического общества. Примеры из прессы («Красный Спорт») демонстрируют «инфантилизацию» образа спортсмена и человека (об инфантилизации см.: Геллер[7]).

Система переходов игроков на Западе из одной команды в другую представляется как порочный круг «купли–продажи». Упоминания об этом есть у того же Александра Старостина, Михаила Якушина[8].

Советская система в противоположность «профессиональной» стремится быть высокоморальной и строго законной. На практике же система переходов хаотична, установленные временные рамки и границы регулярно меняются и нарушаются.

Причины этого — в том же желании «сидеть на двух стульях». Единственным ощутимым результатом этой неопределенности становится возросшее влияние «ведомственных» команд, у которых есть не только деньги, но и административный ресурс для приглашения (иногда директивного) футболистов из других команд. (Наибольшим было влияние команд ЦДКА (армия), «Динамо» (НКВД), «Спартак» (Промкооперация).) Самым скандальным «переходом» в ранней советской истории была попытка увести из команды «Трактор» (Сталинград) двух футболистов в ЦДКА и «Динамо». Специальным решением ЦК игроков вернули обратно в команду уже из Москвы.

Неясный статус футболистов вне поля препятствовал их спортивному совершенствованию. Ожидать от игроков соблюдения известных ограничений, самоочевидных для профессионального футболиста, чьи заработок и право на труд прямо зависят от качества его подготовки, в общем не приходилось.

Известны многочисленные случаи пьянства среди советских футболистов и всего того, что скрывается за эвфемизмом «нарушение спортивного режима». Эта тема рассматривается в прессе в классическом советском «воспитательном» ключе: с публичными письмами-извинениями от игроков, с сатирическими стихотворениями, направленными против подобного рода явлений («Товарищи, поспорьте о Красном Спорте!» Владимира Маяковского).

Выводы таковы: советский футбол в 30-е гг. неизбежно должен был сделать выбор относительно дальнейших путей собственного разви-

тия. Первым и важнейшим решением могла стать возможность создания системы профессиональных клубов и игроков. Шагом в этом направлении было и учреждение чемпионата СССР среди добровольных спортивных обществ в 1936 г.

То, что «любительская» система осталась на своем месте, было столь же неизбежно в идеологическом отношении. Слишком силен был антагонизм между «социалистическим» и «буржуазным», «советским» и «западным». Внутренние перемены могли быть достаточно значительными: например, введение денежных «стипендий» игрокам или же разрешение на их «переход» из клуба в клуб. Риторическая же функция, идеология не претерпели существенных изменений.

Образовавшийся разрыв препятствовал дальнейшему развитию советского футбола, отчасти настраивая против себя те группы болельщиков, которые оказывались менее восприимчивыми к пропаганде и «двоемыслию».

Примечания

[1]. *Сарнов Б.М.* Наш советский новояз. М., 2002.

[2]. *Аверинцев С.С.* О некоторых константах русского традиционного сознания // Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Киев, 2005. Т. 1. С. 381.

[3]. *Вартамян А.* История советского футбола в 30-е–нач. 40-х годов. Серия статей, публиковавшихся в газете «Спорт-экспресс» с 2001 по 2005 гг. (Приведенные материалы напечатаны в номере от 16.01.04.)

[4]. *Старостин Н.П.* Футбол сквозь годы. Звезды большого футбола. М., 1992. С. 135.

[5]. *Старостин А.* Рассказ капитана. М., 1935. С. 52.

[6]. *Кассиль Л.* Вратарь республики. М.: Советский писатель, 1959.

[7]. *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994. С. 40.

[8]. *Якушин М.И.* Вечная тайна футбола. М., 1988.

Иванова Анна

Институт Российской истории РАН
Центр по изучению отечественной культуры
Аспирантка
anna.s.ivanova@gmail.com

«ТОГДА ЛЮДИ БЫЛИ БОЛЕЕ ВЫСОКИХ МОРАЛЕЙ»: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ФОРМАХ НОСТАЛЬГИИ ПО ЭПОХЕ ЗАСТОЯ

С каждым годом образ СССР эпохи застоя становится все привлекательней для населения современной России. Опросы показывают, что на сегодняшний день около 61 % граждан считают брежневский период благополучным, а 41 % полагают, что это время было более благополучным, чем нынешнее. Парадоксальным образом ностальгируют по брежневскому времени даже молодые люди, этого времени не заставшие. Из людей в возрасте до 35 лет брежневское время считают более благополучным, чем нынешнее, 16 %[1]. Чтобы понять причины ностальгии по этому периоду советской эпохи среди молодого населения России и людей среднего возраста, выявить объект этой ностальгии и понять, как он устроен, представляется интересным проанализировать ностальгические высказывания современных россиян на форумах и в блогах[2]. Мы будем анализировать не только те высказывания, где ностальгирующий напрямую высказывается именно о брежневском времени. Часто тот образ, который описывают ностальгирующие, называется ими просто как «советское» или «доперестроечное». Однако советский человек и есть чаще всего человек 70-х гг.[3]. К тому же те черты, которые описываются в ностальгических текстах, очевидным образом относятся к «застойному» времени. Результаты данного исследования ни в коей мере не претендуют на социологическую репрезентативность хотя бы потому, что анализируются только высказывания, взятые из Интернета, к которому постоянный доступ имеет небольшой процент населения России. Однако анализ именно интернет-высказываний, содержащих ностальгию по эпохе застоя, представляется ценным не только как иллюстрация и подкрепление данных социологических опросов, но и как возможность понять ностальгические мотивы людей, чаще всего молодых и адаптированных к «современности». К тому же, в отличие от данных фокус-групп,

материалы форумов и блогов представляют собой не ответы на заданные вопросы, а самостоятельные и произвольные высказывания.

Наша гипотеза состоит в том, что изначальный импульс обращения нынешних россиян к советскому прошлому обеспечивает нынешняя власть, не дающая людям достаточно консистентной и непротиворечивой картины мира[4]. В поисках альтернативы они обращаются к ближайшему прошлому. Объектом ностальгии выступает создаваемый ими миф о брежневском времени. Миф этот построен прежде всего на идее о высокой нравственности, существовавшей при советской власти и пропавшей после ее краха. Причины, по которым и более старшему, и более молодому поколению близок миф о нравственности брежневской эпохе, как представляется, различны. Молодежь, не жившая в то время, реконструирует облик семидесятых из советской пропаганды и художественных произведений того времени. Более старшее поколение людей, заставшее в молодом возрасте советскую власть, во многом создает свой миф на чувстве вины за то, что их потребительские стремления в позднесоветское время и привели к развалу СССР. При этом в мифе о нравственности «застойной» эпохи нет ни источника нравственности, ни его конкретных проявлений. Ностальгия оказывается просто тоской по лицемерию.

Не раз отмечалось[5], что ностальгии по советскому в немалой степени способствует современная государственная пропаганда (в основном, по телевидению): власть, имеющая большую поддержку среди населения, говоря о Советском Союзе, создает образ сильной страны и избегает критики советского прошлого. Мало того: осуждение советского времени ассоциируется у людей с ельцинским временем, которое в глазах современных россиян имеет безусловно отрицательный образ[6]. Тем не менее возникает вопрос: только ли в сегодняшней пропаганде причина повышенного интереса людей (тем более молодых) к эпохе застоя, поэтому ли они стремятся ввязываться в дискуссии с целью доказать преимущества советского строя, защитить положительный образ прошлого, даже признавая многие его недостатки? Представляется, что, хотя современная российская идеология и выстраивает образ сильной страны и отрицает любые попытки критики прошлого, ей недостает консистентности и мощи. Современному молодому человеку она не дает ответа на вопрос, что такое его страна и чем она хороша. Для установления собственной идентичности человек ищет мощную идеологию и находит еще плохо забытую советскую[7]. В результате создается объект для ностальгии — миф о советском прошлом.

Молодое поколение создает свой миф отчасти из кусков идеологии современной, но в большей степени из памятников советской эпохи, например плакатов или фильмов («да, в СССР хватало начальствующих дураков, подхалимов, негодяев, доносчиков, но ведь были и люди, подобные Сане Григорьеву, — сильные, честные, целеустремленные, готовые преодолеть все мыслимые и немыслимые препятствия ради блага своей Родины»[8]; «была такая надпись “Лучший контролер — ваша совесть”, так что без билета в транспорте никто не ездил»[9]).

Представляется, что у более старшего поколения все устроено несколько иначе. Позднесоветское общество было, по сути, обществом потребления. В результате деидеологизации, тотального дефицита и постепенного проникновения в страну все большего количества элементов западного общества смысл существования советских граждан во многом сводился именно к изысканию способов приобретения (законного, полузаконного или вовсе незаконного) дефицитных товаров и благ. В каком-то смысле стремление к товарному изобилию и сделало возможным крах советского строя. Когда люди добились желанного изобилия, они поняли, что теперь их консьюмеризм и есть главное — исчезла идеологическая надстройка (пусть и навязшая в зубах), которая убеждала, что главное — в другом, высшем. Они внезапно обнаружили, что стремление к «колбасе и джинсам» реализовалось, но его оказалось недостаточно для счастья («У нас была великая страна! // Колбасный рай — ничтожная цена // за ту страну, в которой знали это.»)[10]. Понимая, что они сами разрушили тот мир, по которому теперь ностальгируют, ощущая чувство вины, они с еще большим упорством восхваляют советский период и ищут виноватых в его разрушении[11].

Ситуация, когда люди думают о материальном благоденствии, но считается, что они думают о построении коммунизма, нравится российским гражданам гораздо больше, чем прямое признание потребления базовой ценностью. Самым распространенным элементом критики сегодняшней России является не просто большое количество богатых людей, нечестно заработавших свои деньги (в дискуссии ностальгирующие признают, что такое было и в СССР — номенклатура). Главным недостатком ностальгирующие называют «выставление этого напоказ»[12], тот факт, что подобное поведение становится «высшей ценностью для подрастающего поколения»[13]. Таким образом, ни руководящий слой, ни лично Брежнев (эта фигура сегодня не подвергается таким насмешкам, как в советское время, однако ностальгирующие, безусловно, не признают его ни великим политиком, ни особенно нравственным челове-

ком), ни сами советские граждане в глазах ностальгирующих не являются ни источником, ни носителем этой «нравственности». Поэтому сегодняшняя ностальгия по брежневскому времени — это тоска по ханжеству в виде спускаемых сверху нравственных норм.

Примечания

[1]. Опрос населения «Л.И. Брежнев и его время», Фонд «Общественное мнение», 2006 г.

[2]. Например, форумы сайта www.76-82.ru; дискуссии на страницах livejournal.com и др.

[3]. От редакции. «Семидесятые» как «наше все» (материалы к критике идеологии) // Неприкосновенный запас. 2007. № 52. С. 3.

[4]. Некоторые исследователи считают недовольство нынешним положением вещей обязательным условием для возникновения ностальгии. См., например: Shaw C., Chase M. **The dimensions of nostalgia // The imagined past history and nostalgia** / Ed. by C. Shaw and M. Chase. Manchester, 1989. P. 15.

[5]. См., например: *Зверева В.* История на ТВ: конструирование прошлого // Отечественные записки. 2004, № 5; *Кертман Г.* Эпоха Брежнева — в дымке настоящего // Социальная реальность. 2007. № 2.

[6]. *Кертман Г.* Указ. соч.; *Мизиано В.* Ностальгия по будущему // World art Музей. 2008. № 33–34: Прогрессивная ностальгия: современное искусство стран бывшего СССР. С. 9–13.

[7]. К вопросу о «запросе на создание цельной и позитивной картины прошлого в современной России см.: *Горалик Л.* «...Росагроэкспорта сырка». Символика и символы советской эпохи в сегодняшнем российском брендинге // Теория моды. 2007. № 3. С. 13–31.

[8]. *Ицкович М.*, сайт: <http://www.back2cccp.ru/articles/35.html>

[9]. *Андреев С.* Дискуссия на тему «Back to USSR» в разделе форумы на сайте: www.76-82.ru

[10]. Стихотворение Н. Воронцовой-Юрьевой, сайт: <http://vorontsova-nvu.livejournal.com/360747.html>

[11]. Б. Дубин (*Дубин Б.В.* Быт, бытовщина, обыденщина. К исторической социологии идей повседневности в России // Социология и современная Россия. М., 2003. С. 124–136) говорит о чередовании в советской истории периодов принудительного режима всеобщей мобилизации и кратких периодов «мирного времени» и в связи с этим — о конфликте между массово-мобилизационной (тоталитарной) и массово-потребительской моделями социума. Можно предположить, что теперь, когда осталась лишь массово-потребительская модель, общество тоскует по прежнему чередованию.

[12]. *Андреев С.* Дискуссия на тему «Back to USSR» в разделе форумы на сайте: www.76-82.ru

[13]. *Vlad 2.* Дискуссия на тему «Back to USSR» в разделе форумы на сайте: www.76-82.ru

Карнаухов Сергей

Европейский университет в Санкт-Петербурге
Факультет истории
Слушатель 3-го курса
kars35@yandex.ru

К ВОПРОСУ О РАСКРЕСТЬЯНИВАНИИ

(на примере сибирских деревень)

Чтобы понять, успешен ли был процесс раскрестьянивания в СССР, необходимо определиться с двумя понятиями: «крестьянин» и «раскрестьянивание». В первом случае я придерживаюсь точки зрения Т. Шанина: «...мы можем определить крестьян как мелких сельскохозяйственных производителей, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают — прямо или косвенно — на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти. <...> ...Крестьяне вовлечены в повседневный товарообмен и в рынки труда»[1].

Современное понимание раскрестьянивания же включает в себя в первую очередь отчуждение крестьянина от земли, результатов труда и рынков труда и сбыта продукции, жесточайшую эксплуатацию, снижение роли личного подсобно хозяйства (ЛПХ), сведение его к минимуму, превращение крестьянина в наемного рабочего.

Большинство ученых-крестьяноведов делят процесс раскрестьянивания на две фазы. Первая — коллективизация, в ходе которой, как справедливо пишет А. Грациози, «установка была на нейтрализацию крестьянства путем уничтожения его верхушки (раскулачивания) и объединение как можно большего числа семейств в сравнительно немногих крупных коллективных хозяйствах (коллективизации)»[2].

Второй этап приходится на 1960-е гг., когда указами государственной власти было резко ограничено ЛПХ и колхозникам стали ежемесячно выплачивать заработную плату. Окончательно процесс раскрестьянивания закончился с паспортной реформой, благодаря которой крестьяне стали более географически и социально мобильны.

Источники дают повод усомниться в том, что процесс раскрестьянивания был успешен и крестьяне превратились в наемных рабочих.

Свои доводы я разделю на три части: 1) отчуждение крестьян от земли; 2) отчуждение от конечного результата своего труда, утрата связи с рынком; 3) снижение до минимума роли ЛПХ.

Отчуждение земли

В результате коллективизации за крестьянами остались только небольшие приусадебные участки — огороды. По Уставу сельскохозяйственной артели, принятому в 1935 г., размер участка составлял от 0,25 до 0,5 га. В Уставе, принятом в 1956 г., колхозам было разрешено самим определять размеры приусадебных участков. Например, согласно Уставу колхоза «Знамя Ленина» Иркутского района Иркутской области, его размер составлял от 0,15 до 0,35 га для колхозников и до 0,15 для учителей, врачей и других специалистов — не колхозников[3].

Государство получило возможность отрезать «лишнюю» землю у колхозников и контролировать размеры участков. Контроль поручался местным властям. Был ли этот контроль эффективным?

Районная газета регулярно публиковала письма читателей, которые сообщали о фактах незаконного захвата земли. Скрывшийся под псевдонимом В.К. житель д. Грановщина докладывал, что у колхозников и единоличников колхоза «Путь коммунизма», несмотря на указание районного земельного отдела, оставлена лишняя земля[4]. Другой информировал газету о том, что некий «Сергеев имеет участок на 30 соток больше»[5].

Агроном-практикант В. Колиберов, который проходил производственную практику в колхозе «По сталинскому пути», зафиксировал почти повсеместные прирезки земли, о чем с возмущением писал в газету[6].

Частые случаи самозахвата общественной земли колхозниками вынудили прокурора района И. Тельцова выступить в районной газете со статьей «Земля — собственность ГОСУДАРСТВА»[7].

Колхозы пытались бороться с самозахватами, изымая землю. Подобные изъятия приводили к серьезным конфликтам: «*Бобровских В.Ф.* (на тот момент бригадир колхоза «Знамя Ленина»): Пошел я с постановлением колхоза к нему — землю изымать. Вышел он на крыльцо, показывая ему постановление, что забираем у него землю. Он в избу и оттуда с ружьем, вставляет два патрона: «Моя земля! Не отдам!». *Вопрос:* И чем кончилось? *Бобровских В.Ф.:* Я ушёл. *Вопрос:* А земля? *Бобровских В.Ф.:* Потом всё равно забрали»[8].

Причинами подобных нарушений были невозможность прожить на то, что получали в колхозе, и обязанность платить налоги. Возможно, понимая это, власть не всегда преследовала нарушителей, закрывая глаза на захваты земель.

Отчуждение от рынка

Чтобы прокормиться, платить налоги, платить за обучение детей в школе, крестьяне вынуждены были работать больше, в ущерб колхозу (ежемесячная оплата в колхозе «Знамя Ленина» была введена только с 1 января 1968 г.[9], а расчет за трудодни часто задерживался[10] или вообще не производился[11]). Одна из колхозниц во время беседы сказала корреспонденту газеты: «Ослабь он (бригадир. — С.К.) вожжи, — и разбрелись бы все: кто на рынок, кто куда»[12].

В другом случае работница конторы колхоза возмущалась: «Люди не работают потому, что у них слишком большие огороды. Насадят столько картошки, луку и других овощей и целый год торгуют на базаре»[13]. Спустя 4 месяца она же критиковала односельчан: «В Урике особенно сильно развито частнособственнические настроения. Нигде нет, чтоб у редких колхозников были лошади, отдельные колхозники зарабатывают даже у своих же колхозников, всю ночь лошади колхоза работают на зарботке»[14].

Местная газета неоднократно публиковала критические и сатирические статьи по этому поводу, а также «возмущенные» письма читателей[15].

Руководство колхозов пыталось бороться с этими запретительными мерами и усилением контроля: «Вместо того, чтобы убрать оставшийся овёс, люди, особенно во 2-й бригаде, уезжают торговать картофелем в город.

Нужно сейчас же запретить выезд в город кому-бы ни было, бросить все силы на уборку хлеба, его подработку и сдачу государству»[16].

Угрозы помогали мало, колхозники продолжали ездить на рынок, не выходя на работу в колхоз: «Хлевин И.К. (инструктор РК КПСС. — С.К.) ...который отметил плохое руководство колхоза, которым неоднократно было указано запретить массовый выезд в город, но колхозники продолжают ездить в город на базар, а на работу не ходят»[17].

Даже когда в колхозе стали ежемесячно выдавать зарплату, крестьяне продолжали ездить в областной центр: «Некоторые женщины, как ГРАНИНА Мария, не выработывают минимума выходов, огороды

же сажают по 0,30 га. Так что такие успевают только ездить на базар»[18].

Таким образом, крестьянин не потерял связь с рынком, рыночная торговля не затихала, а даже развивалась, уходя в «тень», становясь эксплоярной (неформальной).

Личное подсобное хозяйство (ЛПХ)

Исследование группы новосибирских ученых, опубликованное в 1991 г.[19], позволяет поставить под сомнение утверждение, что значение ЛПХ в экономике крестьянской семьи резко снизилось.

На основании статистических данных и эмпирических исследований авторы приходят к выводу, что ЛПХ является и в 1970–1980-х гг. важной составляющей как экономики страны, так и крестьянской семьи: «в ЛПХ населения СССР находилось примерно пятая часть всего крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, около трети коров. Посевные площади в этой категории хозяйств составляли 6,2 млн га, из них под картофель и овощебахчевые культуры было занято 70 %, под зерновые — 15, кормовые — 14 и технические культуры — 1 %. ЛПХ специализируются главным образом на трудоемких культурах, производство которых в общественных хозяйствах, во-первых, недостаточно механизировано, а во-вторых, не удовлетворяет растущих потребностей населения»[20]. По сравнению с 1960-ми гг. в 1980-е гг. производство ЛПХ выросло на 21 %. Крестьянские хозяйства в середине 1980-х гг. производили примерно 30 % мяса, молока, яиц, овощей и картофеля — 60, плодов и ягод — 54, шерсти — 36 %»[21].

ЛПХ в этот период было не только источником продуктов питания, но и с его помощью производили товар, который продавали на колхозных рынках. Ослабление или либерализация советского режима в конце 1960-х—1970-е гг., регулярные зарплаты в колхозах, частная торговля продукцией ЛПХ позволили очень быстро поднять уровень жизни в деревне, но не отказаться от ЛПХ.

Заключение

1. Необходимо более точно сформулировать термин раскрестьянивание, так как это многогранный процесс и требует более детального описания.
2. Возможно ли заменить слово «раскрестьянивание», когда имеют в виду расслоение крестьянства, понятием «эволюция»?

3. Несмотря на большое количество запретительных законов, крестьянское хозяйство не исчезло, а ушло в сферу экspoлярной (неформальной) экономики, были задействованы неформальные сети, ярко проявился феномен пассивного сопротивления крестьянства.

Примечания

[1]. Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 11.

[2]. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001. С. 23.

[3]. Утвержденные правила внутреннего распорядка колхоза и документы к ним // Архивный отдел администрации Иркутского района (далее — АОАИР). Ф. Р-37, оп. 1, д. 69, л. 31.

[4]. Нарушают колхозный устав // Сталинский путь (далее — С.П.). 1940. 14 августа.

[5]. Волгоотно живется лодырям // С.П. 1954. 10 декабря.

[6]. Нарушитель Устава сельхозартели // Там же. 12 сентября.

[7]. В газете слово «государство» было напечатано крупным шрифтом, в отличие от других слов заголовка.

[8]. Запись беседы с Бобровским В.Ф. от 22 января 2009 г. (архив автора).

[9]. Протокол № 4 отчетно-выборного общего собрания членов колхоза (уполномоченных колхоза) // Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. Р-3382, оп. 2, д. 6, л. 20.

[10]. См., например, письмо «Когда же произведут денежный расчет с колхозниками» (С.П. 1954. 15 октября), в котором колхозники жаловались, что в колхозе «По сталинскому пути» не оплачивают трудодни за прошлый год, председатель только обещает или ставит новые условия.

[11]. *Председатель колхоза «Красная заря»*: «Из года в год мы снимаем хлеба столько, что нам его не хватает даже для того, чтобы рассчитаться с государством. Колхозники у нас хлеба почти не получают» (Протокол № 3. КОПИЯ Открытого партсоборания первичной парторганизации колхоза «КРАСНАЯ ЗАРЯ» Уриковского с/совета, состоявшегося 13 марта 1947 г. // Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее — ГАНИИО). Ф. 1572, оп. 1, д. 5).

[12]. Новоселу рады все // Ангарские огни (далее – А.О.). 1968. 21 марта.

[13]. Протокол № 8 Закрытого партийного собрания колхоза имени XIX партсъезда Иркутского района, состоявшегося 16 мая 1954 г. // АОАИР. Ф. 1572, оп. 1, д. 11, л. 8.

[14]. Протокол № 12 Объединенного собрания членов и кандидатов КПСС Уриковской территориальной и колхозной парторганизации колхоза имени 19 партсъезда, состоявшегося 29 сентября 1954 г. // Там же. Л. 14 об.

[15]. См., например, сатирические выпуски «Клейтон» в газетах: С.П. 1954.

16 мая и Ленинские заветы. 1958. 13 августа; см. также: «Безработная» из Куды // С.П. 1954. 12 сентября.

[16]. Протокол № 6 Общего открытого партийного собрания парторганизации колхоза им. Буденного, Усть-Куда, состоявшегося 24 октября 1950 г. // ГАНИИО. Ф. 2361, оп. 1, д. 3, л. 19.

[17]. Протокол № 5 Открытого партийного собрания п/о колхоза «Кр. заря» 25/ЛХ-52 г. // ГАНИИО. Ф. 1572, оп. 1, д. 9, л. 69 об.

[18]. Протокол № 1 Общего отчетно-выборного партийного собрания колхоза «Знамя Ленина» от 28 октября 1970 г. // ГАНИИО. Ф. 5904, оп. 1, д. 15, л. 3.

[19]. Крестьянское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991.

[20]. Там же. С. 178.

[21]. Там же. С. 179.

Кедров Николай

Санкт-Петербургский Институт истории РАН

Аспирант

nk149@yandex.ru

ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО В 1930-е годы: ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ

Проблема взаимоотношений власти и крестьянства в 1930-е гг. сегодня входит в число дискуссионных вопросов отечественной исторической науки. Об этом говорит хотя бы то обстоятельство, что в программу недавно состоявшейся XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы были включены содержащие противоположные оценки коллективизации доклады известных российских историков-аграрников Э.М. Щагина и Н.Л. Рогалиной[1]. Несмотря на продолжение дискуссий, историографическое пространство обсуждения этого вопроса сегодня определяют опубликованные десятилетие назад работы В.П. Данилова и американской исследовательницы Ш. Фицпатрик. В.П. Данилов, доказывая «антисоциальность» сталинизма, писал о том, что советское крестьянство в 1930-е гг. стало объектом и, как следствие, жертвой многоаспектного, насильственного по формам своего осуществления, государственного вмешательства. Цели последнего лежали вне мира деревни и задавались амбициями Сталина и условиями внутриполитической борьбы в центре[2]. Ш. Фицпатрик, напротив, подчеркивала наличие раздиравших деревню социальных, культурных и возрастных противоречий. Трагические страницы жизни села, по ее мнению, были обусловлены скорее этим внутренним социальным конфликтом, в котором государственная власть стремилась принять на себя роль внешнего арбитра[3]. Таким образом, в отечественной историографии крестьянства сложились два противоположных подхода, один из которых акцентирует исследовательское внимание на государстве, другой — на социальных группах как факторах развития советской деревни 1930-х гг. Вместе с тем и та и другая исследовательские стратегии не включают в число приоритетных задач изучение индивида в условиях этих драматических изменений. Поэтому мы хотели попытаться исследовать место

индивида в этой системе взаимоотношений. В основе нашей работы лежат наблюдения над характером восприятия крестьянами Русского Севера советской политической пропаганды.

Политическая агитация выполняла одну из наиболее насущных функций в жизни советского политического режима. Подлинными результатами ее деятельности заключались даже не столько в разъяснении широкому массам населения страны простых и доступных истин о реалиях общественного развития СССР, сколько в непосредственном конструировании этих реалий путем воздействия на сознание индивида. Современные исследователи пишут о том, что сталинское государство посредством различных форм пропагандистской деятельности добивалось формирования у индивида самоидентификации, связанной с функционированием режима[4].

Успешность этой задачи во многом зависела от степени тотальности пропагандистского воздействия. Даже в условиях северной деревни, где большинство населения было политически неразвитым, борьба за монополию в сфере политической информации проходила не просто. В частности, в северной деревне агитпроповским оценкам реалий суждено было столкнуться с набором коннотаций этих же событий, исходящих из среды общинных и приходских сообществ, которые доминировали в общественной жизни деревни вплоть до введения колхозов. Столкновение и в определенном смысле конфликт подобных противоречивых оценок в вопросе о коллективизации мы можем наблюдать в северной деревне на рубеже 1920–1930-х гг.[5]. Носителями неортодоксальных политических взглядов могли быть своеобразные крестьянские идеологи, выходцы из города, представители приходских сообществ. Однако ко второй половине 1930-х гг. доминирование советской политической пропаганды становится очевидным[6]. Исключение в этом отношении, пожалуй, составляет лишь загнанный в подполье околицерковный микромир, где порой проскальзывали религиозно-эсхатологические образы политической и социальной действительности. С помощью мер как манипулятивного, так и репрессивного характера власть смогла навязать крестьянству свое видение происходящих в стране событий.

Предоставляя индивиду определенный «символ веры», агитпроп ставил человека перед сложным психологическим выбором: либо принять (пусть даже формально) иллюзорный мир рисуемых пропагандой реалий, либо подвергнуть себя и близких риску стать изгоями в сложившемся социальном организме. Несмотря на всю амбивалентность этой

ситуации, она, тем не менее, становилась нормой крестьянской повседневности. Выбор приходилось осуществлять практически ежедневно. Сами условия, в которых оказались жители села, подталкивали их к определенному решению. Так, в ситуации «широкого наступления на кулачество» в первые годы коллективизации, порой единственным спасением от постигших бед для крестьянина оставалась возможность, ссылаясь на статью Сталина «Головокружение от успехов», обвинить местных активистов «великого перелома» в «перегибах» и «извращении классовой линии»[7]. В более спокойные годы сталинского «неонэпа» принятие производственных обязательств и участие в соцсоревновании открывало человеку возможность повышения своего социального статуса и материального благосостояния[8]. Даже страшный 1937 год в конечном счете предоставлял индивиду «удобную» возможность свести старые счёты со своим соседом[9]. Мы не всегда можем объективно (в силу недостатка и неполноты источников, их идеологической обусловленности) судить о мотивах такого выбора. Тем не менее подобная поддержка, пусть нередко и показная, возможно, отчасти и инспирированная самой властью, действительно имела место.

Отрицание политических штампов в 1930-е гг. было чревато опасностью репрессий и насильственного удаления из мира деревни. Страх перед карательными органами оставался важным фактором в деятельности жителей села, но постепенно даже само отрицание становилось все более зависимым от материалов политической агитации. Самостоятельность критических оценок была заменена оценками, полученными в результате эмоциональной инверсии политической пропаганды. Например, будоражившие деревню на протяжении всех 1930-х гг. слухи о неминуемом падении советской власти в реальности своим источником имели с явным злорадством перевернутые пропагандистские клише о росте внешней угрозы СССР и засилии внутреннего врага[10].

В конечном итоге имманентные индивиду и обусловленные конкретной ситуацией его жизни акты сотрудничества с режимом конституировались как своего рода стратегии коллективного поведения жителей села. Формы выражения такого рода лояльности могли быть различны. Публично славословия и благодаря за «благоедеяния» «вождей» на колхозных собраниях, участвуя в соцсоревновании или стахановском движении, используя пропагандистские клише в своих обращениях во властные структуры, индивид вольно или невольно включал себя в мир пропагандируемой реальности. Например, крестьянские «письма во власть» в историографии, как правило, оценивались как

форма социального протеста[11]. Однако анализ содержащихся в них формул обращения, описаний институтов власти, механизма критики, присущего данному виду источника, свидетельствует скорее об обратном. Элементы протеста в таких письмах растворялись в стратегии более масштабного конформистского акта, принимали по отношению к нему строго соподчиненные цели. Прибегая к оружию советской политической пропаганды, крестьяне придавали дополнительный толчок определенным политическим процессам (раскулачиванию, стахановскому движению, репрессиям), сами становились соучастниками социальной инженерии политического режима. Порой использование крестьянами политической пропаганды могло приобретать неприемлемый для власти характер, как было, например, со слухами о неминуемом падении советской власти в связи с надвигающейся войной или использованием Конституции 1936 года в целях открытия храмов. Однако право выбора, то есть право награждать или наказывать, в таком случае оставалось за властью.

Примечания

[1]. *Щагин Э.М.* Проблема альтернатив деревенской «революции сверху» в постсоветской историографии // Актуальные проблемы Аграрной истории Восточной Европы: Историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. М., 2008. С. 106–108; *Роголина Н.Л.* Коллективизация сельского хозяйства: итоги и перспективы изучения // Там же. С. 126–127.

[2]. *Данилов В.П.* Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1999. С. 13–67; *Он же.* Сталинизм и крестьянство // Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков. Смоленск, 1999. С. 153–168.

[3]. *Фицпатрик Ш.* Сталинические крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня. М., 2001.

[4]. *Коткин С.* Государство – это мы? Мемуары, архивы и кремленологи // Смена парадигм: современная русистика. СПб., 2007. С. 97–116. (Нестор; № 11).

[5]. *Кедров Н.Г.* Коллективизация в северной деревне: к социокультурному осмыслению // Русский Север: вариативность развития в контексте исторического и социально-философского осмысления: Материалы межрегиональной научной конференции. Вологда, 2008. Ч. 1. С. 172–178.

[6]. Кедров Н.Г. 1937-й год в северной деревне. Власть и крестьянство: контуры ментального диалога // Политика. Общество. Человек. К 85-летию доктора исторических наук, профессора А.З. Ваксера. СПб., 2008. С. 174–193.

[7]. Кедров Н.Г. Коллективизация в системе идейно-политической коммуникации власти и северного крестьянства на рубеже 1920-х–1930-х годов // The Soviet and Post-Soviet Review. 2008. Vol. 35, No. 1. P. 75–106.

[8]. Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «история российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 265–285; Кедров Н.Г. Сталинский «неонэп» в северной деревне: характер рецепции политической агитации // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 1. С. 12–17.

[9]. Кедров Н.Г. Большой террор 1937 года и северное крестьянство (к истории духа советских репрессий) // Двинская земля. Вып. 5. Котлас, 2007. С. 187–194.

[10]. Государственный архив Архангельской области. Ф. 621, оп. 3, д. 28, л. 88, 101, 104–108, 140, 142; д. 288, л. 4–5; д. 412, л. 14, 43; Там же. Отдел ДСПИ. Ф. 290, оп. 1, д. 155, л. 183–187; Ф. 654, оп. 1, д. 117, л. 11–13. Кроме того, см. также: Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику ...»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. С. 88–163.

[11]. См., например: Левкова М.В. Письма крестьян Европейского Севера во власть в 1930-е годы // Русский Север: вариативность развития в контексте исторического и социально-философского осмысления: Материалы межрегиональной научной конференции. Вологда, 2008. Ч. 1. С. 196–201.

Кочеткова Елена

Петрозаводский государственный университет

Исторический факультет

Студентка 5-го курса

lena-kochetkova2008@yandex.ru

**ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА НАЦИОНАЛЬНЫХ
РАБОЧИХ КАРЕЛИИ В 1920–1930-е годы:
ОТДЫХ ИЛИ ПОВОД ДЛЯ НЕДОВОЛЬСТВА?
(на примере строительства Кондопожского ЦБК)**

Период «большой стройки» в СССР стал временем, знаменательным для Карелии. В 1920–1930-е гг. здесь было построено и усовершенствовано несколько крупнейших предприятий, важных для республики и сегодня. Одним из них является Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат, не случайно названный С.М. Кировым «лесобумажным Магнитостроем» и возведенный в период 1923–1935 гг.

В связи с катастрофической нехваткой рабочих рук в Карелии на строительство прибывали тысячи рабочих со всей страны, а также из-за рубежа, в первую очередь из Финляндии, Северной Америки и Канады. Привлечение финнов составляло органичную часть национальной политики «коренизации», проводимой советским руководством с целью предотвращения того, что Карелия могла перестать носить «карело-финский национальный характер»[1].

Именно финны внесли огромный вклад в экономическое развитие региона, и их жизнедеятельность, и особенно организация их досуга здесь в период 20–30-х гг. XX в., является одной из интереснейших и малоисследованных страниц.

Для переселенцев в Карелию в целом характерным являлось то, что наиболее активными в вопросе о переезде в республику были именно молодые люди, которые готовы были трудиться в сложных условиях[2]. И действительно, как правило, на работу приезжали рабочие (если не принимать во внимание членов их семей), люди в возрасте от 15 до 35 лет.

Уже в сентябре 1923 г. газета «Карельская коммуна» констатировала, что «жизнь на стройке начинает бить ключом»[3]. На самом деле, с началом строительства стал быстро расти рабочий поселок, который в

1938 г. был переименован в город Кондопога. Увеличение числа рабочих, оживление строительства требовало решения практических и важных для каждого человека вопросов: обеспечение жильем, продовольствием, организация досуга.

Одним из пунктов договоров, заключавшихся рабочими с руководством строительства, была гарантия предоставления приезжавшим на работу людям достаточных условий «культурно-бытового обслуживания», однако содержание этого понятия не раскрывалось. Главным власти республики признавали удовлетворение потребностей именно финских рабочих, создание для них необходимых условий.

О степени выполнения этого пункта свидетельствуют следующие данные. К примеру, в 1933 г. из 956 тыс. руб., выделенных на культурные нужды и организацию досуга как части социальной политики, освоено было только 338 тыс., т. е. всего 35 %[4].

Это означало, что рабочие имели на 75 % меньше возможностей читать новые газеты, смотреть спектакли, слушать радио и т. д.

Кроме того, многим рабочим просто не оставалось времени на досуг, ибо все время отнимала трудовая часть дня, поскольку работа велась в две смены в зависимости от объема и вида трудовых норм. Рабочие имели право на часовой перерыв, один выходной. По словам одного финского рабочего, приведенным в книге О. Йоханссона, «утром придешь [на работу], вечером уйдешь, ешь и спишь в бараке. Вот такая у тебя жизнь [здесь]»[5].

Однако и имевшиеся возможности далеко не всегда удовлетворяли потребности финских рабочих, хотя их досуг в целом был более разнообразным, чем, например, у русских рабочих.

Так, одним из вариантов проведения свободного времени было чтение. В центре поселка находился барак, где продавали книги, и отдельно — газетный киоск. Существовала и библиотека, где в 1925 г. было собрано около 30 тыс. книг, выписывалось около 2 200 экземпляров газет и журналов. Можно предположить, что большая часть этих книг читалась только финскими рабочими, реже — русскими, поскольку почти все финны выписывали газеты. Однако газеты приходили в срок редко. Например, рабочая фабрики В. Линкстрём пишет, что номера за февраль и март она получила только в октябре[6].

Существовала и передвижная библиотека в общежитиях рабочих. Тем не менее число книг на финском языке в рабочем поселке было невелико: 430 томов в сравнении с 2975 экземплярами на русском языке в 1925 г.[7].

Главную роль в культурной жизни поселка играл клуб, причем для финнов было построено отдельное здание. Вот как описывает один из вечеров финских рабочих в клубе О. Йоханссон: «Все места в клубе заняты. Многие рабочие стоят. Одни читают, другие играют в шашки. На стене висит газета, которую читает большая группа людей... В девять вечера начались занятия группы “Спартак”[8]. В верхней комнате клуба дребезжит ветхое пианино. В соседней комнате идет совещание... “Спартак” показывает упражнения... [Только] в три часа ночи Кондопога засыпает»[9]. Можно предположить, что это описание представляет несколько преувеличенные данные, которые не подтверждаются архивными материалами.

Тем не менее в клубе проводились концерты, устраивались спектакли. Например, в марте 1925 г. был организован театральный вечер на финском языке, посвященный Парижской Коммуне. Существовал при клубе и финский хор. Помимо этого, финны проводили собственные, финские праздники, например *suusjuhlat*, *iltamat*, *kesäjuhlat*. Отмечались, естественно, и общесоветские праздники – 1 Мая, годовщину Октябрьской революции и проч. Например, 1 мая 1931 г. были проведены митинги во всех цехах, концерт в клубе и по радио, а также торжественное заседание на двух языках (русском и финском), на котором выступали ударники, вручались премии передовикам производства. Отдельно, 2 мая, был организован Первомайский вечер на финском языке[10].

При клубе находилась спортивная площадка. Рабочие стремились организовать свой досуг, устраивая здесь соревнования, игры и т. д. Для игры в футбол, например, был приобретен мяч на собранные коллективно деньги[11].

Тем не менее в культурной жизни были и свои проблемы, типичные для поселка в целом и препятствующие полноценному проведению досуга. Так, здание клуба помещалось в летнем сарае, почти не отапливавшемся зимой. В клубе протекала крыша и в дождливую погоду на полу образовывались большие лужи, стены набухали.

Однако отличительной чертой финских рабочих было их активное участие в общественной жизни. Так, газета «Красная Карелия» от 12 февраля 1925 г. отмечала, что не было ни одного финна, который не входил бы в какую-либо общественную организацию[12]. Например, в 1934 г. в Кондопоге одновременно работали драмкружок и художественная молодежная агитбригада, смешанный хор и оркестр, хореографический кружок и физкультурная бригада домохозяек. Существовал и кружок рукоделия для женщин.

Еще одной альтернативой проведения досуга являлось слушание радио. В 1934 году в поселке было 18 радиоточек, из которых пять находилось в нерабочем состоянии. Иногда выступали на радио и рабочие. Например, рабочий В. Куусуко рассказывал, что читал «пару раз» стихи на радио. Тем не менее финноязычные программы передавались крайне нерегулярно и часто с помехами[13].

В общем эти недочеты создавали на строительстве ситуацию, типичную для Карелии в целом. Так, алкоголизм, лень, равнодушие, хулиганство были «рабочими буднями» и почти повсеместным явлением в Карелии. Одним из зол была карточная игра, которой, порой, рабочие уделяли больше внимания, нежели, например, участию в спектаклях клуба.

Таким образом, организация досуга рабочих была частью социальной политики руководства строительства. Однако несмотря на стремление карельских руководителей создать «правильный» культурный досуг рабочих строительства, а также на наличие разнообразных форм проведения досуга, халатность и приоритетная организация именно рабочего процесса, неумение создать надлежащие условия для отдыха, а кроме того, нехватка времени у рабочих стали основными причинами их нежелания проводить свое свободное время в клубе или библиотеке. Большую роль в этом играли и насущные проблемы: необходимость решения сложных бытовых вопросов, вопросов с жильем, очереди в магазинах и столовых, и т. д. Все это вызывало недовольство рабочих, заставляло их уезжать в другие места. Так, в 1932 г. Кондопогу покинуло четверо молодых людей, мотивировавших свой отъезд, в частности, тем, что «нет достаточного культурного развлечения»[14].

Примечания

[1]. *Kauppalta P.* Neuvosto-Karjalan 1920-luvun kehitysprosessi systemaattisessa vertailussa Suomen historialliseen kehitystiehen // Kansallisuus ja valtio. No. 5. Joensuu, 1995. S. 191.

[2]. *Autio S.* Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928–1941. Helsinki, 2002. S. 228.

[3]. НА РК. Ф. Р-571, оп. 1, д. 7/55, л. 1.

[4]. НА РК. Ф. Р-774, оп. 1, д. 2/12, л. 63.

[5]. *Johansson O.* Kontupohja – iskutyö. L., 1932. S. 15.

[6]. НА РК. Ф. 571, оп. 1, д. 7/55, л. 27.

[7]. Там же. Л. 7.

[8]. Очевидно, речь идет о молодежной любительской спортивной организации.

- [9]. *Johansson O.* Op. cit. S. 15–16.
[10]. НА РК. Ф. П-1631, оп. 1, д. 4/38, л. 42.
[11]. НА РК. Ф. Р-571, оп. 1, д. 7/55, л. 7.
[12]. НА РК. Ф. Р-571, оп. 1, д. 7/55, л. 27.
[13]. Там же. Л. 4.
[14]. НА РК. Ф. Р-685, п. 1, д. 4/32, л. 247.

Источники

1. *Национальный Архив Республики Карелия*

Фонды:

Р-571 — Управление строительством Кондопожской бумажной фабрики (Кондостроя): оп. 1, д. 7/55.

Р-685 — Переселенческое управление: оп. 1, д. 4/32.

Р-774 — Ленинградская контора Управления Кондопожского Строительства: оп. 1, д. 2/12.

П-1631 — Партком объединения «Кондопогабумпром»: оп. 1, д. 4/38.

2. *Johansson O. Kontupohja — iskutyö: Kontupohjan paperitehtaan työkollektiivin vastuksista ja voitoista / O. Johansson. L., 1932. 126 s.*

Литература

Autio S. Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928–1941 / S. Altio. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2002. 398 s.

Kaupala P. Neuvosto-Karjalan 1920-luvun kehitysprosessi systemaattisessa vertailussa Suomen historialliseen kehitystiehen // *Kansallisuus ja valtio: Karjala ja Komi nuoren Neuvostoliiton tasavaltoina 1920 ja 1930-luvuilla/toim. A. Laine. No. 5. Joensuu, 1995. S. 183–193.*

Кузнецова Людмила

Европейский университет в Санкт-Петербурге
Факультет истории
Слушатель 3-го курса
Africa-s@yandex.ru

КУЛЬТУРНО-МАССОВАЯ РАБОТА НА КУОРТОХ: «У НАС ГРОМАДНАЯ ЖАЖДА КУЛЬТУРЫ...»[1]

Культурно-массовой работе, «сложной, ответственной и грандиозной»[2], в СССР придавалось большое значение — целью ее было не столько развлечение советских людей, сколько их воспитание. Не были исключением и советские курорты: например, уже в 1918 г. представители курортного дела говорили о том, что «большое количество свободного времени, которое имеется у лечащихся на курортах, рациональнее всего использовать в целях культурно-просветительном и политического воспитания»[3], в 1921 г. дома отдыха назывались «лучшими резервуарами культурного воспитания масс»[4], а в 1946 г. заместитель начальника Центрального Управления курортов, санаториев и домов отдыха ВЦСПС Клойзе настаивал на том, что «надо, наконец, понять всем начальникам Управлений и директорам санаториев и домов отдыха, что работа в санатории или доме отдыха состоит из трех главных моментов: лечение, питание, культура»[5].

Культурно-массовыми мероприятиями назывались разные способы организации свободного времени отдыхающих: устройство библиотек, кружков, площадок для игр, киносеансов, экскурсий, концертов, танцевальных вечеров и т. д. Практики организации и проведения досуга советских граждан — тема большая, осветить ее в небольшом докладе невозможно. Поэтому речь здесь пойдет о «проводниках» новых традиций отдыха — культмассовых работниках (или культурниках) на курортах. Кем они были, как и в каких условиях работали и в какой степени справлялись со своими функциями — эти вопросы будут рассмотрены в данном тексте.

К началу 1920-х гг., когда в санаториях и домах отдыха появилась должность культурника, готовых кадров не существовало. Многие культмассовые работники не имели никакой подготовки, что вызывало многочисленные нарекания. Однако в 1920-х гг. практически все во-

просы курортного дела — финансирования, строительства, снабжения, медицинских кадров — стояли очень остро. Со временем многие из них были успешно разрешены: так, к концу 1940-х гг. проблема обеспечения курортов медицинскими кадрами была практически снята с повестки дня. Тем не менее недостаточное количество массовиков и их плохая подготовка оставались предметом обсуждения и в середине 1950-х гг. Например, на совещании 1938 г. говорилось, что культурник одного из пятигорских санаториев ранее работал в артели «Ильича», вырабатывающей ковры, и не имел никаких специальных навыков массовика [6]. В 1946 году сообщалось, что «в большинстве санаториев, домов отдыха культурно-массовую работу проводят неквалифицированные и малоподготовленные в политическом отношении люди» [7]. И в 1952 году, на совещании начальников местных областных управлений курортов, санаториев и домов отдыха ВЦСПС, эта проблема обсуждалась вновь: «...еще в ряде здравниц не имеем достаточно квалифицированных людей и пока других не нашли» [8]. Хотя нужно отметить, что в 1950-х гг. ситуация с культмассовой работой все же несколько исправилась. Например, в местном пермском санатории «Усть-Качка» в конце 1950-х гг. к услугам отдыхающих были многочисленны кружки: духовой, струнный, драматический и школа бального танца, которые были обеспечены соответствующими кадрами.

Некомпетентность культурников не была самым серьезным их недостатком. Беспокойство организаторов курортного дела вызывал факт, что даже плохо подготовленных сотрудников было меньше, чем требовалось. Например, в Эссентуках, чтобы занять досуг больных, некоторые культурники приглашали своих жен или мужей.

Серьезной проблемой была текучка кадров. Культработник санатория ВЦСПС в Ялте сообщал: «Мы имеем случаи, когда к нам приезжают в летний период работники их Москвы и Ленинграда, пробудут месяц-два и удирают. Бывает и так, что берут деньги с отдыхающих на карточки или берут подотчетные суммы и уезжают. Так было и в ВОКе, и Крымтресте... Культработники в санаториях и домах отдыха меняются как перчатки — по 5–6 человек в год» [9].

Причину подобной сложной ситуации с кадрами культурно-массовых работников многие видели в том, что в санаториях зарплата массовиков была невысока. Директор курорта Эссентуки говорил: «Если человек специалист и большой массовик, то разве он пойдет к нам за 200–250 рублей» [10]. В 1946 году зарплата культурников составляла 300–350 руб., что, по мнению начальника Центрального управле-

ния курортов и санаториев ВЦСПС Л. Маркова, затрудняло привлечение хорошо подготовленных культработников. Для решения этой проблемы Марков предлагал в виде исключения повысить заработную плату до 700–900 руб.[11]. Пока трудно сказать, было ли принято это предложение, однако следует упомянуть, что иногда зарплата могла повышаться благодаря оформлению одного человека на две должности, по совместительству, или путем начисления разных надбавок[12].

Проблему плохой подготовки кадров пытались решить как на местном, так и на центральном уровне. Например, чтобы выйти из положения, руководство Пятигорского курорта решило организовать курсы для культмассовых работников. В Ессентуках все культурники, массовики в обязательном порядке обучались на курсах танцев, чтобы иметь возможность заниматься танцами с больными[13]. Централизованно курсы организовывались как Курортным управлением Наркомздрава (позже — Министерства здравоохранения), так и Управлением курортов и санаториев ВЦСПС.

Курортное управление посылало «специальных людей», которые подготавливали культурников к началу сезона, осознавая, что «много они им, конечно, не дадут, но мало-мальски подготовят, чтобы культурники могли работать с больными». Тем не менее многие работники курортов оставались недовольными местными курсами и говорили о том, что ВЦСПС готовит культурников лучше, чем Курортное управление Наркомздрава[14]. Действительно, ВЦСПС уделял большое внимание культурно-просветительской работе и подготовке инструкторов. Уже в конце 1920-х гг. деятели профсоюзного движения разрабатывали систему культпросветработы, думали о подготовке кадров, обсуждали данный вопрос в прессе — ему были посвящены многочисленные статьи в газетах «Профессиональное движение» и «Труд», печатных органах ВЦСПС[15]. Однако в отчете о подготовке кадров по санаториям и домам отдыха ВЦСПС за 1938 г. сообщается, что среди 1232 человек, прошедших повышение квалификации и переподготовку, было только 17 культ- и физработников[16]. Если принять во внимание критические отзывы курортных работников, которые приводились выше, становится ясно, что подготовка кадров культурников оставалась проблемой и в послевоенные годы.

Следует также отметить, что культурно-массовая работа практически не направлялась и не контролировалась центральными организациями, особенно в 1920–1930-х гг. Как правило, надзор за деятельностью культурников осуществлял главврач санатория и директор курорта.

Здесь не идет речь о медицинских или санитарно-гигиенических лекциях — их, как правило, организовывали и проводили сами врачи. Однако даже развлекательные мероприятия находились под их контролем: «Культмассовая работа целиком подчинена медперсоналу санаториев и как лечебное мероприятие входит в комплекс лечения больных»[17]. В послевоенный период массовики регулярно проходили инструктаж в Отделах культуры горкомов и райкомов[18].

Существовала проблема обеспечения кадрами культурников отдельных видов санаториев. Как указывал представитель Грузинского управления, в туберкулезных санаториях массовиками работают сами больные, поскольку здоровые не соглашались туда ехать вследствие того, что зарплата в общетерапевтических и тубсанаториях одинаковая и в последних как остальному персоналу, так и культработникам не дается 15 % за вредность[19].

Таким образом, можно говорить о том, что цели культурно-просветительского и политического воспитания отдыхающих на советском курорте, как бы того ни хотели центральные власти, не всегда могли быть достигнуты в силу нехватки «должным образом подготовленных» кадров.

Примечания

[1]. Стенограмма совещания директоров и главных врачей курортов при Союзкурорте НКЗ СССР от 28 февраля 1938 г. / ГАРФ. Ф. Р-9228, оп. 1, д. 23, л. 108.

[2]. Культ-просвет работа // Труд. 1921. 17 мая. С. 3.

[3]. Политическая и культурно-просветительная работа на курортах РСФСР: Тезисы по докладу тов. Жуховицкого «Положение о Главном комитете соли и минеральных источниках...» // ГАРФ. Ф. А-482, оп. 13, д. 3, л. 12–12 об.

[4]. *Ломтатидзе Е.* Задачи профсоюзов в организации Домов отдыха // Труд. 1921. 18 августа. С. 1.

[5]. Циркулярные распоряжения и приказы за 1946 год по Центральному Управлению курортов, санаториев и домов отдыха ВЦСПС // ГАРФ. Ф. Р-9493, оп. 3, д. 5, л. 141.

[6]. Стенограмма совещания директоров и главных врачей курортов при Союзкурорте НКЗ СССР... // ГАРФ. Ф. Р-9228, оп. 1, д. 23, л. 37.

[7]. Справка о культурно-массовой работе в санаториях и домах отдыха // ГАРФ. Ф. Р-9493, оп. 3, д. 18, л. 22.

[8]. Стенограмма совещания начальников местных областных управлений курортов, санаториев и домов отдыха ВЦСПС, начальников и главных бухгалтеров УДОСов ЦК профсоюзов 2-го сентября 1952 г. // Там же. Д. 141, л. 59.

[9]. Стенограмма совещания по вопросу о культобслуживании курортников, созданного санаторно-курортным объединением и редакцией газеты «Труд» 15 апреля 1935 г. // Там же. Оп. 1, д. 27, л. 20.

[10]. Стенограмма совещания директоров и главных врачей курортов при Союзкурорте НКЗ СССР... // ГАРФ. Ф. Р-9228, оп. 1, д. 23, л. 80.

[11]. Предложения о санаториях и домах отдыха // ГАРФ. Ф. Р-9493, оп. 3, д. 18, л. 9.

[12]. Стенограмма совещания по вопросу о культобслуживании курортников... // ГАРФ. Ф. Р-9493, оп. 1, д. 27, л. 24.

[13]. Стенограмма совещания директоров и главных врачей курортов при Союзкурорте НКЗ СССР... // ГАРФ. Ф. Р-9228, оп. 1, д. 23, л. 80.

[14]. Стенограмма совещания по вопросу о культобслуживании курортников... // ГАРФ. Ф. Р-9493, оп. 1, д. 27, л. 6–22.

[15]. См., например: Культ-просвет работа: Тезисы доклада к 4-му съезду тов. Исаева // Труд. 1921. 17 мая. С. 2–3.

[16]. Таблицы основных показателей работы санаториев, домов отдыха и подсобных хозяйств за 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-9493, оп. 1, д. 34, л. 29.

[17]. Стенограмма совещания начальников местных областных управлений курортов, санаториев и домов отдыха ВЦСПС, начальников и главных бухгалтеров УДОСов ЦК профсоюзов 2-го сентября 1952 г. // Там же. Оп. 3, д. 141, л. 165.

[18]. Приказ № 233 по бальнеологическому санаторию «Усть-Качка» ЦК профсоюза рабочих угольной промышленности от 18.08.1950 г. // Архив «ЗАО Курорт Усть-Качка». Фонд временного хранения, оп. 1, д. 1 (Приказы главного врача курорта «Усть-Качка» по личному составу), л. 37.

[19]. Стенограмма совещания начальников местных областных управлений курортов, санаториев и домов отдыха ВЦСПС, начальников и главных бухгалтеров УДОСов ЦК профсоюзов 2-го сентября 1952 г. // ГАРФ. Ф. Р-9493, оп. 3, д. 141, л. 165.

Лёзина Евгения

Институте высших исследований —
IMT Lucca Institute for Advanced Studies,
г. Лукка, Италия
Аспирантка докторской программы
jane.lezina@yahoo.com; j.lezina@imtlucca.it

ФЕНОМЕН НОСТАЛЬГИИ ПО СОВЕТСКОМУ ПРОШЛОМУ И ВЫБОР ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Приблизительно с середины 1990-х гг. российское общество переживает ностальгическую волну по советскому. В российской культуре с тех пор неизменно присутствуют мифологизация, романтизация и эстетизация советского прошлого в качестве своеобразного «золотого века». Выбор имени Сталина среди главных имен России; восприятие «брежневского» периода как образцового периода жизни; сакрализация победы в Великой Отечественной войне; многочисленные документальные и художественные проекты, циклы об известных людях и вождях советской эпохи на общенациональных каналах телевидения; перспективы восстановления памятников советским вождям — все это наглядные свидетельства разворачивания ностальгической волны, создающей, по справедливому замечанию философа И.Г. Яковенко, «психологический климат, противостоящий объективному разговору об изнанке советского строя»[1].

Известно, однако, что поздний советский и ранний постсоветский периоды были отмечены крайне негативным восприятием советского опыта большинством населения. Так, в ходе опроса, проведенного «Левада-Центром» в 1991 г., 57 % респондентов высказали мнение, что в результате коммунистического переворота страна оказалась на обочине истории[2].

Тем не менее подобные оценки довольно быстро пережили существенную трансформацию. Если в 1989 г. лишь 12 % опрошенных считали Сталина самой выдающейся личностью всех времен и народов, то в 1994 г. число его поклонников возросло до 20, а в 1999 г. — до 35 %[3]. В 2003 году уже 53 % респондентов утверждали, что Сталин сыграл положительную роль в развитии страны[4]. В том же направлении эволюционировали и оценки сталинской эпохи. Если в 1994 г. о ней положи-

тельно отзывались 18 % опрошенных, а 57 % придерживались противоположного мнения, то в 1999 г. это соотношение выглядело уже как 26 и 48 % соответственно[5].

Данные опросов, проведенных социологами Санкт-Петербургского Смольного Института в 2007 г., свидетельствовали, в свою очередь, о высокой нравственной оценке советского прошлого. Так, 44 % опрошенных отметили его положительное влияние на нравственность современных россиян, а 50 % — на развитие отечественной культуры[6].

Примечательно, что одновременно с улучшением оценок советской эпохи происходило и возрождение мифологии «особого пути». По данным социологов, доля людей, считающих, что Россия должна идти своим собственным путем, не следуя западным «химерам», с начала 1990-х гг. также постоянно росла: к 2000 г. она достигла уже 60 %[7].

Таким образом, ностальгия по советскому прошлому сопровождается авторитарным поворотом в общественном сознании россиян, постепенно вновь оказавшихся в плену того, что эксперты именуют «имперским синдромом» или «мифом о великой державе»[8].

Параллельное возникновение и дальнейшее сосуществование двух феноменов общественной жизни — ностальгии по советскому прошлому и великодержавной общественно-политической риторики — свидетельствуют о взаимосвязи между оценками прошлого и выбором странной стратегий общественно-политического развития.

Наличие подобной взаимосвязи отмечалось многими исследователями посттоталитарных обществ. В частности, историк М. Ферретти усматривала прямую связь между работой по преодолению репрессивного прошлого («переживанию траура») и конструированием новой, демократической идентичности, с одной стороны, и равнодушным отношением к прошлому, забвением его, вытеснением из коллективной памяти и ростом авторитарных идеологий — с другой[9].

Чем же все-таки может быть объяснено устремление российского общества, еще не так давно разделявшего либеральные ценности, к прежним, казалось бы, уже полностью дискредитировавшим себя в перестроечный период идеалам? Чем объяснить то, что советское прошлое обрело в сознании большинства граждан новой России образ «великой эпохи» с фигурой Сталина в качестве ее символического и ценностного центра?

Попытки найти ответы на данные вопросы требуют обращения к причинам возникновения самого феномена ностальгии по советскому

прошлому и связанного с ним авторитарного поворота в общественном сознании постсоветской России.

По всей видимости, последний был осуществлен еще в момент политической и общественной апелляции к дореволюционному идеалу в период правления Бориса Ельцина. Тогдашняя идеализация и мифологизация царской России послужили росту в российском обществе имперско-державнических настроений, а последние, в свою очередь, восстанавливали преемственность посткоммунистической России уже не только с дореволюционным, но и с советским периодом.

Связано это, как представляется, с фактом прямой преемственности двух режимов — царской России и Советского Союза, которые были гораздо более близки друг другу и в принципах государственного строительства, и в методах отправления власти, и в национальной политике, чем их представляла пропагандистская машина новой российской власти. Есть достаточно оснований полагать, что сталинизм на российской почве стал плодом длительно преобладавшей здесь славянофильской идеи об «особом русском пути», а также привычной тяги российского населения к сильной руке. Так что восхваление дореволюционной эпохи таило в себе серьезную опасность возврата к присущим ей (так же, как и последующей советской эпохе) авторитарным способам властвования.

Идея возрождения дореволюционной традиции в постсоветской России стала отличительной чертой риторики новой власти, как только ельцинский режим начал терять легитимность, утрачивал свою убедительность и образ лучезарного прошлого в качестве перспективы «светлого будущего». Хотя образ этот и превратился в «сусальную картину, в образец пустопорожней риторики» (М. Ферретти), но при этом сохранились его имплицитные националистические составляющие.

Не удивительно поэтому, что разочарование в ельцинских реформах приводило не к усилению демократических настроений (потенциал которых был к тому моменту утрачен), а к возрастающей ностальгии по советским временам. Последняя проявлялась в выдвигании на передний план символических фигур и событий советского периода (таких, как первый полет Юрия Гагарина в космос или победа в войне), а также постепенной реставрации образов советских вождей, и прежде всего образа Сталина.

Как констатирует М. Ферретти, «чем более явно проступали авторитарные черты посткоммунистического режима и чем сильнее становилось разочарование, охватившее общество, тем чаще звучала апелляция к националистическим ценностям, постепенно вытеснявшим

первоначальные либеральные ориентиры. Со времен первой Чеченской войны национализм не переставал расширять свои позиции»[10].

Несмотря на то что за постсоветский период в стране появились люди, потенциально готовые отойти от имперско-державной модели и сделать выбор в пользу более гуманного, плюралистического общества и государства (о чем свидетельствуют данные соцопросов), основная проблема, связанная с трансформацией их энергии в активный гражданский выбор заключается, как представляется, в непонимании основных принципов демократического общественного устройства, необходимости персональной вовлеченности (в той или иной форме и мере) в общественно-политическую жизнь страны, а также в незнании или забвении прошлого, его мифологизации и нерационализации. Ностальгия по советскому прошлому есть не что иное, как последствие, рецидив подобного «легкочувствия» и «легкодумия» (З. Гиппиус).

Поскольку российские лидеры начала 1990-х гг., назвавшись «демократами» и «либералами» и одновременно облачившись в ризы «просвещенного» авторитаризма, наложили вето на все проекты рационализации прошлого — и в политике, и в науке, и в образовании, — общество, потеряв наметившийся было иной ориентир, лишилось политической воли. Направляемое и вдохновляемое мощным административным ресурсом, оно погрузилось в пучину аполитичности и равнодушия, невежества и забвения. Властная же элита, в сознании которой нормальная логика государственно-институционального устройства так и не смогла возобладать над обычной российской логикой *«обладания властью»* (И.М. Клямкин), смогла вновь восторжествовать в своем всевластии. Искусно подстроившая недавнюю историю страны под свою формирующуюся тоталитарно-державную идеологию и включившаяся в цепочку таких правителей, как Ленин, Сталин, Брежнев, Андропов[11], она стала прибегать во взаимодействии с гражданами к присущим им методам властвования[12].

Современная молодежь узнает о якобы преимуществах прежней эпохи из пропагандистских телепередач и телесериалов, романтизирующих образы народных вождей прошлого и настоящего, одновременно убеждаясь в полной безальтернативности нынешней власти. Как результат целенаправленной политики, происходит стабильный рост позитивных оценок Сталина. В настоящий момент активно нависла угроза восстановления и создания новых памятников Сталину и другим лидерам режима в центральных городах России.

Очевидно, что забвение, незнание, мифологизация прошлого, а также восстановление преемственности прошлой и нынешней власти прерывает историческую память и тем самым блокирует возможность смены направления в сторону большего плюрализма и дальнейшего развития свобод в России.

Примечания

- [1]. Школьные уроки по теме «История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР». М., 2003. С. 311.
- [2]. *Гудков Л.Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М.: НЛО, 2004. С. 663.
- [3]. *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000 гг. М., 2000. С. 453.
- [4]. Ежегодник «Левада-Центра» «Общественное мнение — 2004».
- [5]. *Левада Ю.А.* Указ. соч. С. 451.
- [6]. *Ханаева Д.* Очарованные сталинизмом // Неприкосновенный запас. 2007. № 5(55).
- [7]. *Левада Ю.А.* Указ. соч. С. 546.
- [8]. См. публикации и выступления экспертов «Левада-центра», прежде всего Б.В. Дубина и Л.Д. Гудкова.
- [9]. *Ферретти М.* Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 5.
- [10]. Там же.
- [11]. *Дубин Б.В.* Сталин и другие: фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 2. С. 35.
- [12]. См. доклады о ситуации с правами человека в России, например Меморандум HRW «Хуже войны: Насильственные исчезновения в Чечне — преступление против человечества». Март, 2005.

Малышева Евгения

Челябинский государственный университет
Исторический факультет
Студентка 3-го курса
malyshevaevgeniy@mail.ru

РОЛЬ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСТВА в 1920–1930-е годы

*(по партийным документам Нижне-Увельского района
Троицкого округа Челябинской области)*

После Октябрьской революции 1917 г. в городе и в селе стали складываться новые отношения населения и властных структур. С 1919 года начинается активный процесс становления партийной организации на селе. В разных районах этот процесс проходил по-разному; связано это было прежде всего с географическим аспектом, национальным составом населения и особенностями уклада жизни.

Для исследования нами была выбрана территория современного Увельского района Челябинской области, поскольку данный район является типичным сельскохозяйственным районом области. Крестьяне и казаки в 1920–1930-е гг. были основными жителями на данной территории. Станица Увелька возникла в 1749 г. как военное поселение. 24 мая 1924 г. Постановлением ЦИК и СНК РСФСР был образован Увельский район, вошедший в состав Уральской области. К этому времени Увельский район имел территорию в 245 320 гектаров[1]. По данным переписи, на 1926 год в состав Увельского района входило 150 населенных пунктов с населением 27 625 человек[2]. В 1934 году Увельский район вошел в состав Челябинской области.

Цель нашего исследования — изучить степень влияния партийных органов на повседневную жизнь доколхозной деревни Нижне-Увельского района Троицкого округа Челябинской области по материалам местных партийных организаций.

Наше исследование основано на анализе документов Нижне-Увельской партийной организации 1920–1930-х гг.[3], находящихся на хранении в ОГАЧО[4], а также на воспоминаниях С.Н. Данетова — инициатора создания в 1929 г. коммуны «Батрак» в Увельском районе[5].

Из материалов партийной организации Увельского района, протоколов партийных чисток 1929, 1933–1934 гг. и воспоминаний С.Н. Данетова следует, что партийные органы оказывали влияние практически на все стороны жизни крестьян, прежде всего на жизнь сельских коммунистов.

Партийные органы Нижне-Увельского района принимали непосредственное участие в организации труда в селах, создании коллективных хозяйств. Так, в воспоминаниях С.Н. Данетова говорится об активном содействии партийной ячейки в пополнении скотом и инвентарем вновь организовавшейся коммуны. Ею были даны распоряжения об изъятии имущества у раскулаченных крестьян из соседнего села.

С конца 1920-х гг. шла активная пропаганда создания коллективных хозяйств, поэтому в протоколах партийных чисток 1933–1934 гг. вопрос об отношении крестьян к этому процессу был весьма актуален. Из источников видно, что 80 % сельских коммунистов не состояли в колхозах. Причины этому были разные: «Раньше состоял, но колхоз распался потому, что кредитное Товарищество взяло за отпущенные машины 65 % стоимости сразу, а у нас нечем было платить»[6], «...не понимали и недооценивали колхозы»[7]. За такое «непонимание» коммуниста вполне могли перевести из членов партии в кандидаты или, в крайнем случае, вообще исключить из организации.

Кроме того, партийная организация контролировала систему начисления трудодней: обязательный минимум выработки, количество продуктов, выделяемых за работу, а также применение санкций к нарушителям инструкции. Так, например, в Красноселке за невыход на работу один раз снимали трудодень, за второй невыход — 2 трудодня, а за три — 5[8]. В данной сфере жизни крестьян, как можно видеть, партийные органы оказывали значительное влияние, т. к. состояние крестьянского хозяйства напрямую отражалось на продовольственном положении города.

На сельские партийные ячейки была возложена работа по повышению уровня грамотности крестьян, их политического образования, а также организации досуга. В связи с этим ячейки проводили различные мероприятия: агитацию по подписке газет, лекции на различные темы, например «Происхождение религии», «Происхождение Вселенной», «Происхождение человека»[9], «Праздники мобилизованных», «День урожая», «Комсомольское рождество»[10], издание стенгазет, посвященных колхозно-хозяйственным и партийно-политическим достижениям[11]. Людей, не справлявшихся с работой, возложенной на них

ячейками, исключали из партии или переводили из членов в кандидаты, а из кандидатов — в сочувствующие. В ходе нашего исследования мы определили, что одной из самых распространенных причин исключения из партии в процессе чисток 1929 и 1933–1934 гг. являлась политическая неграмотность ниже-увельских коммунистов. По данным на 1929 г., «Троицкий округ является одним из отсталых округов с 32 000 неграмотных на 112 000 общего количества населения»[12].

Анализируя протоколы партийных чисток, можно прийти к выводу, что в 1920–1930-е гг. в Нижне-Увельском районе была организована серьезная работа с крестьянами по повышению их политической грамотности. Необходимость данного мероприятия стала очевидна после проведения чисток в 1929 и 1933 гг. Зачастую сельский партиец не знал даже, кто в стране генеральный секретарь или какова высшая власть в СССР[13]. «В. Кто такой Сталин? О. Не знаю (указывает на портрет Ленина). Вот он». «В. Есть ли на портрете тов. Ленин. О. Не знаю (портрет висит против нее)»[14]. «А про тов. Молотова слышал? О. Он у нас был в Красноселке, а кто он, я не знаю»[15]. Степень влияния партийных структур на данную сферу жизни увельских крестьян была очень велика. Это обуславливалось, с одной стороны, низким уровнем грамотности населения, а с другой — необходимостью воспитания новых партийных кадров и распространения коммунистической идеологии среди крестьян.

При исследовании на микроуровне четко прослеживается контроль местных партийных ячеек за «биографиями» коммунистов и жителей села в целом. На каждого члена или кандидата партии заводилось личное дело, в котором обязательно фиксировалось его социальное происхождение, кем были его родители и ближайшие родственники, материальное положение, служба в Белой или Красной армии, мотивы вступления в партию, занимаемые должности, партийная принадлежность (состоял ли когда-либо в других партиях), характеристики с места учебы, работы, имел ли судимости. Это было необходимо, т. к. сельские коммунисты — это авангард крестьянства, а значит, и репутация должна соответствовать их статусу. Если в жизни коммуниста обнаруживались какие-либо «белые пятна», то их пытались «заполнить», получая информацию по средствам связи с другими партийными ячейками, в которых данный коммунист мог состоять ранее, отправлялись запросы на прежние места жительства, работы, или же сведения узнавали непосредственно во время чистки от самого коммуниста или присутствующих на ней односельчан. Так, один из членов партии был

исключен за то, что его отец и старшие братья воевали на стороне белых. После апелляции он был восстановлен в партии, т. к. на 1919 г. ему было всего 12 лет, а, кроме того, при прохождении чистки он сам признался в этом «грехе»[16]. В случае если коммунист при вступлении в ряды партии скрывал свое истинное происхождение и это становилось известно во время чистки, то его исключали «как враждебный элемент, обманным путем пробравшийся в партию»[17].

Велико было влияние партийных ячеек на личную жизнь коммунистов и их односельчан. Так, за женитьбу на дочери кулака могли признать «ненадежным, потерявшим свое пролетарское лицо»[18] и исключить из партии. Из протокола чистки: «В. За что ты избил женщину? О. Я с ней жил, застал у нее другого и взял и ударил 2 раза ковшем, а партячейка об этом не знала. В. Вызывал ли тебя секретарь, когда ты избил женщину? О. Нет. В. За что избил жену? О. Я ее никогда не бил, а просто вывел из дома»[19]. «В. Что было в январе 1928 года? О. Не помню, но жену не бил. В. Бил ли вообще жену? О. Нет»[20]. В прениях на заседании по чистке в обсуждении любовного треугольника одного из членов партии участвовали все присутствующие: «В. Вам известно, что он заразил мою жену сифилисом и потом выгнал ее, он имеет в избе иконы, не признает, что бил жену и пьет». Прозвучал вопрос: «Заразил ли чужую жену сифилисом? О. Она меня сама заразила»[21]. В протоколах отмечены случаи многоженства среди коммунистов Увельского района: «Занимался половой распущенностью, имея в каждом сельсовете по несколько жен»; «В. Занимался ли многоженством? О. Занимался»[22]. Коммунист К. «имеет половую распущенность, т. к. у него в Устойске было 3 женщины»[23]. За подобное поведение коммунист, как правило, получал выговор. Степень наказания говорит о том, что контроль за сферой личных отношений коммунистов был меньше, чем, к примеру, за сферой трудовой деятельности.

Хотя стоит отметить, что за нравственным обликом сельских коммунистов партийные органы следили достаточно пристально. Во-первых, проводилась активная антирелигиозная пропаганда. Коммунистам, чьи жены крестили детей или имели дома иконы, делали выговоры, замечания. Если после этого ничего не менялось, то их просто лишали партийного билета[24]. Во-вторых, партийные органы занимались ликвидацией пьянства среди населения. О том, что эта проблема была актуальна для Нижне-Увельской партийной организации, свидетельствует тот факт, что вопрос о пьянстве задавался каждому, кто проходил чистку, а примерно 30 % из тех, кто не прошел проверку, были исклю-

чены из партии именно за пристрастие к алкоголю. Из протоколов партийных чисток: «Будучи пьяным, гонял по улицам верхом»[25], «Когда ездили по вербовке рабочей силы, выпили»[26], «Задумывался не пить, я не алкоголик и систематически не пью, я не привлекался за пьянку»[27]. «В. За что исключался ячейкой из партии. О. За пьянку»[28].

Проведение исследования на микроуровне позволило нам прийти к выводу, что местная партийная организация в 1920 — начале 1930-х гг., создавала систему контроля над жизнью и деятельностью крестьянства. Особо строгой регламентации подвергалась организация труда на селе. Аграрная политика, проводимая властью в 1930-е гг., требовала контроля над деятельностью крестьян. Значительным было и влияние партийных структур на личную жизнь увельских крестьян. Из источников мы видим, что поселковые ячейки пристально следили за тем, с кем общается коммунист, на ком он женат (замужем), каковы его религиозные взгляды. В случае если партиец вел себя недостойным образом: злоупотреблял спиртным, был уличен в измене своей жене (мужу), применял силу по отношению к женщинам, крестил своих детей или имел дома иконы, то предпринимались определенные меры. За проступки коммуниста могли перевести из членов партии в кандидаты, сделать ему выговор, лишить занимаемой должности или же исключить из партии. Если крестьянин, совершивший проступок, преступление или ведущий аморальный образ жизни, не являлся членом партии, то в дальнейшем такое поведение могло быть зафиксировано в его личном деле. Фиксирование таких данных могло послужить отказом в принятии в ряды партии, а также лишить возможности занимать важные посты в местных органах власти. Из источников следует, что увельская партийная организация оказывала значительное влияние на образование крестьян, но в меньшей мере регулировала их досуг.

Примечания

[1]. *Тренин М.А.* Край Увельский — Отчизны частица. Ч. 1. Челябинск, 1997. С. 40–41.

[2]. Список населенных пунктов Уральской области. Т. 13. Троицкий округ. Свердловск, 1928. С. 63.

[3]. Троицкий Уком (1919–1923). Ф. 171, оп. 1, 498 ед. хр.; Нижне-Увельский волком (1922–1923). Ф. 313, оп. 1, 4 ед. хр.; Троицкий окружком (1923–1930). Ф. 170. оп. 1–3, 1062 ед. хр.; Увельский районный комитет (1924–1962, 1965–1991), 9545 ед. хр., 1920–1922, 1924–1962, 1965–1991 гг., оп. 1–33, 1а–5а.

[4]. ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинский области.

[5]. Воспоминания С.Н. Данетова находятся на хранении в Краеведческом музее с. Половинки Увельского района Челябинской области. Ранее не публиковались.

[6]. ОГАЧО. Ф. 229, оп. 1, д. 119, л. 6.

[7]. Там же. Л. 78 об.

[8]. Там же. Д. 123, л. 111–112.

[9]. ОГАЧО. Ф. 170, оп. 1, д. 32, л. 319.

[10]. Там же. Д. 140, л. 5.

[11]. ОГАЧО. Ф. 229, оп. 1, д. 122, л. 403.

[12]. Там же. Д. 118, л. 88.

[13]. Там же. Д. 122, л. 107; д. 123, л. 110, 142, 269.

[14]. Там же. Д. 126, л. 19.

[15]. Там же. Д. 123, л. 109.

[16]. Там же. Д. 121, л. 79–80.

[17]. Там же. Д. 123, л. 132 об.; д. 122, л. 238.

[18]. Там же. Д. 122, л. 156.

[19]. Там же. Д. 126, л. 21–22.

[20]. Там же. Д. 118.

[21]. Там же. Л. 117.

[22]. Там же. Д. 123.

[23]. Там же. Д. 119, л. 155–156.

[24]. Там же. Д. 118, л. 30, 80; д. 123, л. 24–25; д. 119, л. 152.

[25]. Там же. Д. 16, л. 26.

[26]. Там же. Д. 122, л. 164.

[27]. Там же. Д. 118, л. 120.

[28]. Там же. Л. 27, 34; д. 123, л. 347.

Овсеян Карина

Краснодарский государственный
университет культуры и искусств
Студентка 5-го курса
karicta@yandex.ru

БИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

Интерес к гендерному измерению науки достаточно высок. Данная тема становится предметом исследования историков, культурологов, социологов. В последние годы в орбиту исследовательских приоритетов вошла проблема роли и места женщин в научном сообществе СССР.

В. Успенская считает, что «на производство научного знания с точки зрения женщин» повлиял подъем новой волны женского движения в России в конце 1980 — начале 1990-х гг.[1]. Сегодня появляются книги, статьи, биографии женщин, работавших в различных областях науки.

Из работ, посвященных истории феминизации отечественной науки, выделим статью Н.С. Агамовой и А.Г. Аллахвердяна «Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты»[2], где сделана попытка анализа социального положения женщин в научно-образовательной среде. Авторы охватывают период с середины 19 в. до наших дней и затрагивают проблему дискриминации женщин в мире науки как в дореволюционный период, так и в наши дни (вертикальная дискриминация). Большой интерес представляет изданная на английском языке в США статья московской исследовательницы О. Валковой «Завоевание науки: женщины и наука в России, 1860–1940»[3], где на основе анализа жизненного пути многих женщин реконструируются карьерные практики наших соотечественниц.

Проблемой репрезентации советских женщин-ученых в художественных текстах занимается А.Н. Еремеева[4]. Она воссоздала эволюцию женских образов в литературе и кинематографе в контексте развития государственной гендерной политики, социально-политических трансформаций в обществе[5]. Для понимания проблемы плодотворно обращение к работам Н.Л. Пушкаревой, Л.П. Репиной[6], М.М. Крома[7]

и других специалистов в области гендерных исследований, биографических текстов, женского письма.

В фокусе моего исследовательского внимания — проблемы создания биографий женщин-ученых страны Советов. Этот интерес непосредственно связан с текущей работой над реконструкцией биографии основателя Северо-Кавказского зонального НИИ садоводства и виноградарства Александры Кузьминичны Приймак (1908–1995) — самой статусной и успешной женщины-ученой в истории научного сообщества Краснодарского края.

А.К. Приймак много лет вела научно-исследовательскую работу по актуальным вопросам агротехники садоводства на Северном Кавказе, написала более 100 трудов. Она одной из первых в стране начала изучение эффективности минеральных и органических удобрений на плодовых культурах[8]. Моя героиня активно участвовала в общественно-политической жизни страны как депутат Верховного Совета РСФСР, член райкома КПСС, депутат Краснодарского краевого Совета и член Краснодарского крайкома КПСС. А.К. Приймак была делегатом XXI съезда КПСС, дважды — делегатом Пленумов ЦК КПСС — в 1959 и 1964 гг.[9].

Важной предпосылкой создания полноценной биографии советской женщины-ученой является, на мой взгляд, использование метода устной истории, актуального и эффективного для реконструкции советских гендерных практик. Зарубежный опыт устно-исторических исследований женщин, специальных архивов, хранящих записи интервью женщин-ботаников, химиков, геологов уже описан в зарубежных и российских трудах. Анализ устно-исторических интервью позволяет обобщить случаи противодействия признанию научных заслуг женщин, а также особенности преодоления препятствий в научной карьере[10]. Однако при заимствовании подобного опыта необходимо учитывать, что иностранки отвечают на любые вопросы привычно, свободно и непринужденно, тогда как наши исследовательницы чувствуют себя неуютно[11]. Н.Л. Пушкарева подчеркивает, что женщина старается придать своему рассказу характер гендерной нейтральности, не вспоминать о примерах дискриминаций, связанных с тем, что они — другого пола[12].

Включение данных устной истории (интервью с учениками, коллегами и родственниками) позволило заполнить некоторые пробелы в биографии А.К. Приймак и сделать эту реконструкцию более полной и живой. Вопросы касались стиля руководства, персональных ка-

честв, отношений с властными структурами, с коллегами, внешнего вида и т. д.

В качестве источников биографии активно используются официальные речи А.К. Приймак, особенно те, что так или иначе обозначают роль и место женщин в советском обществе (многочисленные доклады в честь 8 Марта, хранящиеся в архивном фонде ученой). Они, с одной стороны, транслировали положения официальной советской пропаганды, а с другой — иллюстрировали личные достижения докладчика.

Большую ценность для биографического исследования представляют источники личного происхождения — мемуары, письма, дневники. Моя героиня оставила большое количество дневниковых записей, связанных с заграничными путешествиями. Их можно рассматривать не только как заметки ученого, но и анализировать с точки зрения женского авторства[13]. Дневники и путевые заметки интересны тем, что их автор, как женщина, обращала внимание на то, что мужчины, скорее всего, обошли бы стороной. Но этот «женский взгляд» только прибавляет ценности. Междустрочное прочтение дневников позволяет почерпнуть информацию о внутреннем мире ученой. Как считает Н.Л. Пушкарева, в женских его-документах можно найти «внутритекстовую единичность видения мира и словоупотребление конкретным индивидом»[14].

А.К. Приймак описывала в дневниках на первый взгляд малозначительные детали: подготовку к командировке, аэропорты, перелеты. Обязательно упоминались условия проживания. Например, во Франции: *«Нам дали чудесные комфортабельные номера. Ванная, душ, прекрасные чистые постели. Хорошее бельё. Зеркало, камин, ковёр на всём полу. Телефон. Тишина ночью и днём»*[15]. Все вышеперечисленное для А.К. Приймак было показателем высокого комфорта.

Основное место в дневниках занимают описания посещений лучших хозяйств страны. Это неудивительно, если брать в расчет научную деятельность А.К. Приймак и цели командировок. Однако с позиций анализа «женского письма» отдельное внимание на себя обращают зафиксированные в бельгийском дневнике цены местного рынка: *«Помидоры — 10–14,15 франков за 1 кг., капуста цветная — 6–10 франков, морковь — 5–6 франков, картофель — 3–6 франков, лук-порей — 8 франков, салат — 5 франков, огурцы — 8 франков, фасоль — 5–6 франков, баклажаны — 6–9 франков, перец болгарский — 18–20 франков... мясо — 18–24 франка, молоко — 6 франков за 1 литр»*[16]. Приводятся именно рыночные, а не магазинные цены. Думается, традиция жителей Кубани приобретать продукты питания, особенно ово-

щи, преимущественно на рынке стимулировала соответствующее внимание А.К. Приймак.

Хочется отметить подробное описание Александрой Кузьминичной ассортимента блюд — как повседневных приемов пищи, так и торжественных приемов. Это могло быть следствием естественного интереса женщины — жены и матери — к национальной кухне, желания сравнить традиции приема гостей в СССР и за рубежом. Читая дневник, мы можем себе представить, как угощали делегатов — участников месячника советско-корейской дружбы в г. Пхеньяне в 1961 г. Приведу описание одного из ужинов: «Заливное, крабы, креветки, языки, помидоры-огурцы, кимча, форель — целая, угри — кусочки, свинина, птица — фазан с луком, желе, трепанги, устрицы, редис, торт очень красиво украшен, кофе натуральный, водка, женьшень, вода лимонад, яблоки, груши»[17]. Судя по отсутствию комментариев к описанию северо-корейских приемов, автора дневника не шокировало столь роскошное угощение в нашей стране. Ведь это соответствовало советской традиции приема важных делегаций, и вообще, социалистические страны были вне критики.

Другое дело — капиталистические страны. Вместе с трогательным описанием детских колясок и одежды — красивых и комфортабельных, автор дневника не может пройти мимо «язв» капитализма. Например, в парижском аэропорту Орли, по ее мнению, «много реклам, навязчивых, разноцветных, разных форм и цветов»[18].

Дневники заграничных поездок А.К. Приймак — ценный источник, позволяющий не только реконструировать характеристики личности женщины-ученого, руководителя одного из крупных научных учреждений Юга России, но и дающий возможность понять особенности менталитета советской научной интеллигенции 1950–1960-х гг.

В целом «антропологический поворот» в исторической науке, активное осмысление роли и взаимодействия индивидуального и группового в историческом процессе выдвигают повышенные требования к произведениям историко-биографического жанра, в том числе к биографиям женщин-ученых. Создание биографий отдельных женщин-ученых — важная предпосылка формирования модальной биографии, позволяющей адекватно воссоздать социальный статус женщины-ученой в советском обществе.

Примечания

[1]. Женщины. История. Общество: Сборник научных статей / Под общ. ред. В.И. Успенской. Вып. 2. ОГУП «Тверское областное книжное издательство», 2002. С. 4.

[2]. Агамова Н.С. Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // ВИЕТ. 2000. № 1. С. 141–153.

[3]. Valkova O. The Conquest of Science: Women and Science in Russia // *Intelligentsia science. The Russian Century, 1860–1960* / Ed. by M.D. Jordin, K. Hall, and A. Kojevnikov. *Osiris*/23. 2008. P. 136.

[4]. Подробнее об этом см.: Еремеева А.Н. Российская женщина-ученый в XX веке: состояние и перспективы изучения темы // Человек. Сообщество. Управление (Научно-информационный журнал) / Гл. ред. Е.В. Морозова. 2003. № 2–3.

[5]. Eremeeva A. The Woman Scientist in Soviet Artistic Discourse // *Women's Movements. Networks, and Debates in post-communist Countries in the 19th and 20th Centuries* / Ed. By E. Saurer, M. Lanzinger, E. Frysak. Köln; Weimar; Wien: Bohiau Verlag, 1999. P. 354.

[6]. Репина Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С. 76–100.

[7]. Кром М.М. Историческая биография: новая жизнь старого жанра // Источниковедческие и историографические проблемы биографических исследований: Сборник материалов научно-практического семинара. СПб., 2002. С. 182–189.

[8]. Северо-Кавказский зональный научно-исследовательский институт садоводства и виноградарства (годы, события, люди). Краснодар: СКЗНИИСиВ, 2006. С. 47.

[9]. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1595, оп. 1, д. 149.

[10]. Еремеева А.Н. Женщины-ученые как объект исследования в проектах по устной истории науки // Человек на исторических поворотах XX века / Под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. Краснодар: Кубанькино, 2006. С. 53.

[11]. Об этом свидетельствует Галина Комарова, проводившая бинарные интервью с представительницами отечественной и зарубежной науки в рамках проекта «Женский портрет в научном интерьере» (см.: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / Отв. ред. Г.А. Комарова. М., 2008. С. 14).

[12]. Пушкарева Н.Л. «О себе-то мы молчим...» (память о повседневном женщин из среды научных работников) // Антропология академической жизни... С. 280–281.

[13]. Подробнее об этом см.: Овсеян К.С. Дневниковые записи А.К. Приймак как исторический источник // История регионального научного сообщества:

проблемы изучения: Материалы научной конференции / Отв. ред. А.Н. Еремеева. Краснодар: Кубанькино, 2007.

[14]. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 36.

[15]. ГАКК. Ф. Р-1595, оп. 1, д. 99, л. 4 об.

[16]. Там же. Д. 108, л. 40 об.

[17]. Там же. Д. 112, л. 74.

[18]. Там же. Д. 99, л. 4.

Резник Александр

Пермский государственный университет
Историко-политологический факультет
Студент 5-го курса
reznik07@gmail.com

«НАША ОППОЗИЦИЯ ДОВОЛЬНО РУЧНАЯ...»

*(к истории внутрипартийных конфликтов в Перми
в 1923–1924 годах)*

История внутрипартийной борьбыевой оппозиции с фракцией Зиновьева, Сталина и др., особенно в провинции, исследована довольно поверхностно[1]. Политические процессы, протекавшие в провинциальных центрах, служат прекрасным источником для желающих понять советское общество в его сложном развитии демократических и авторитарных элементов. Рассекреченные документы бывшего партархива[2] вскрывают историю конфликтов в Пермской Окружной организации РКП(б) в декабре 1923 — январе 1924 гг., когда партийное меньшинство поддержало критические антибюрократические выступления Троцкого, Преображенского и других «левых». Основной тезис данной работы заключается в том, что на тот период критика власти (оппозиционность) для пермских коммунистов не стала повседневной практикой, идентичность «оппозиционера» не сформировалась, а политическое сознание характеризуется отчужденностью. Доказательством этого послужит анализ стенограмм, писем и отчетов акторов противостояния.

Необходимо отметить, что в 1920–1922 гг. Мотовилиха и Пермь были известны благодаря скандальной «Рабочей группе» Г. Мясникова, выступившей против партийной и советской бюрократии с крайне левых позиций[3]. Но, как сообщал инструктор Губкома, к началу 1923 г. «не только “Мясниковщины”, а даже отголосков таковой совершенно не имеется»[4]. В письмах и отчетах секретарей неизменно подчеркивалось, что, несмотря на частные недовольства, пролетарская «оппозиция, если можно так сказать, даже приятна, она вполне законна...»[5]. Кроме того, партийные «верхи» часто указывали на пассивность «низов». Тем не менее среди большевистских лидеров раздавалась критика. Будущий оппозиционер О.А. Михайлов, заслушав доклады о четы-

рех ячейках на расширенном пленуме Райкома № 2 21 октября 1923 г., сказал, что «ячейки слишком мало проявляют инициативу в разрешении местных вопросов и находятся на поводу райкома... Собрания нужно устраивать на предприятиях, и всегда иметь связь с беспартийными». Выступивший следом Сырчиков указал, что «инициативу ячеек Райком отнимает своими вопросами, так как последние не дают статься и участвовать в местных вопросах...»[6].

Инициатором открытого обсуждения вопросов, по линии которых Левая оппозиция очертила внутривнутрипартийный конфликт, было высшее руководство. Дискуссия в печати началась со статьи Г. Зиновьева «Новые задачи партии» 7 ноября 1923 г., но это слабо затронуло основную часть партийцев. Например, 24 ноября Бюро Пермского Губкома РКП(б)[7] постановило провести 2 декабря районную партконференцию, в повестке которой первым стоял вопрос «Новые задачи партии (по ст. т. Зиновьева)». Вводный доклад сделал агитпроповец А.И. Баранов, ставший вскоре основным «оппозиционером». В ходе «мирной» дискуссии постановили: «Считать вопрос особо важным и... Горрайкому поставить вопрос по ячейкам»[8].

7 декабря публикуется резолюция ЦК и ЦКК РКП(б) «О Партстроительстве», в которой указывалось на необходимость «серьезного изменения партийного курса в смысле действительного и систематического проведения принципов рабочей демократии»[9]. 24 декабря состоялся расширенный пленум Пермского Горрайкома совместно с Бюро ячеек и членами партии. Повестка была полностью посвящена «Основным вопросам дискуссии внутривнутрипартийного строительства». Докладчик Баранов заявлял: «Мы сейчас вынуждены осуществить рабочую демократию, которая, по словам тов. Троцкого, раньше не была проведена в виду голода, военных действий и других сложившихся условий. Сейчас же этого представляется возможным. Те существующие организационные формы, которыми мы пользовались раньше, сейчас становятся ненужными... дискуссия идет в плоскость практического разрешения проведения широкой рабочей демократии, и что в ней горячности не должно быть. Неправы некоторые товарищи, говоря о каких-то группировках и оппозициях, которых, по мнению докладчика, нет и есть лишь критический обзор вопросов». Из 14 ораторов 5 поддержали оппозицию. Михайлов настаивал на продолжении дискуссии и выявлении мнений остальных членов Горрайкома вопреки предложению секретаря Оружкова В.И. Нанейшвили продолжить разговор на кустовом собрании[10].

«Низовые» собрания не были столь богаты разнообразием мнений. Например, 27 декабря в Объединенной ячейке при ст. Пермь-1 дискутировали об излишествах и равенстве, но начавшиеся были прения по вопросу «Дискуссия о партийной демократии» в протокол занесены не были, потому что, за исключением двух участников начавшегося обсуждения, никто не был знаком с дискуссионными материалами «Правды». Похожая картина была на собрании работников Телеграфа, Совпартшколы и других. Возможно, это было связано с тем, что в некоторых ячейках сообщалось о предстоящей дискуссии 29 декабря в Партклубе[11].

Чисто оппозиционная резолюция была вынесена на собрании ячейки Электростанции по докладу члена Бюро Горрайкома Л.М. Шнейдермана, помощника Михайлова по работе в агитпропе. В частности, в постановлении осуждалась практика подведения любой критики под фракционность и резкие выпады Сталина против оппозиционеров[12]. Шнейдерман пытался развить успех на общем собрании Горрайкома 2-го куста, но проиграл более опытному докладчику А.С. Боровскому, резолюция которого собрала 106 голосов «за» и 37 «против»[13].

Даже не на всех кустовых собраниях придавалось значение внутрипартийной дискуссии. Так, на партсобрании Заимского РК 3 января 1924 г. докладчик Орлов предложил проект постановления, принятого большинством (115 голосов). Но в протоколе даже не раскрыты подробности содоклада члена Горрайкома Матвеева и его резолюции, получившей 45 голосов[14].

3 января состоялось также собрание 3-го куста, особенностью которого явилось то, что основной докладчик С.Н. Седых не повторил обычные приемы коллег, проводивших «линию ЦК». Это позволило Михайлову, известному в массах оратору, после ожесточенной дискуссии получить за свою резолюцию 179 голосов «за» и всего 74 «против»[15]. В тот же день его коллега Баранов сделал содоклад на общем собрании Мотовилихинской организации. В ходе дискуссии, длившейся до 2 часов ночи, звучали ярко оппозиционные высказывания, но сам Баранов признал: «В прениях выявлено единство». Этим сразу воспользовался основной докладчик Советников, начав атаку на оппозицию словами: «Баранова причислять к оппозиции нельзя, полностью. Он ближе к ЦК, чем Сопронов, Преображенский и т. д.». В итоге 95 голосами приняли резолюцию Советникова, а барановская получила 35. На 1-й Мотовилихинской Районной партконференции 9-го января 1924 г. из 68 делегатов критиков «большинства ЦК» оказалось 2–3 человека[16].

В Информационном отчете Окружкома за декабрь-февраль констатировалось, что «к партконференции, особенно после смерти Владимира Ильича, оппозиция умерла естественной смертью»[17]. Секретарь окружкома Нанейшвили в письме И.В. Сталину лишь слегка приукрашивал факты: «Оппозиции нам пришлось дать бой в городской организации, и здесь мы одержали победу, но все-таки у оппозиции здесь было порядно сторонников из служивого элемента. Можно было опасаться, что между членами партии создадутся ненормальные отношения. Но это не случилось и случиться не могло: 1) Наша оппозиция довольно ручная оппозиция; 2) Окружной Комитет РКП и Горрайком пользуются полным доверием партийной массы. Моя резолюция по докладу о работе XIII-й Партконференции... была принята единогласно, оппозиционеры были в нетях: ни слова не проронили, а некоторые вообще отсутствовали. Одним словом, декабрьская дискуссия нам никаких отрицательных следов не оставила, но дала оживление партийной массы»[18].

Не только осуждение оппозиции январским пленумом ЦК и XIII съездом служили факторами понижения активности «левых», но и повседневная работа. Например, на общем собрании III куста г. Перми 6 марта 1924 г. Баранов «не ожидал», что его доклад о работе Окружкома не вызовет прений[19]. Опорой для «секретарской» фракции стал массовый «ленинский» набор рабочих в РКП(б), на борьбу с политической малограмотностью которого уходили значительные силы оппозиционеров. Продолжения дискуссий, как и чисток, не последовало. Каких-либо «сторонников троцкизма в организации незаметно», справедливо докладывал в декабре 1924 г. инструктор окружкома во время кампании против «троцкизма»[20], когда «единодушно» осуждался недавний Вождь и его книга, недоступная большинству партийцев. Таким образом, все это углубляло политическое отчуждение, пассивность и конформизм рядовых коммунистов, что доказывается, в частности, крайне низкой поддержкой Объединенной оппозиции в 1926–1927 гг.

Примечания

[1]. *Суслов А.Б.* Борьба уральских организаций РКП(б) с мелкобуржуазными группами и течениями в 1919–1927 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1989; *Кружников В.М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000.

[2]. Государственный общественно-политический архив Пермского края (ГОПАПК).

- [3]. Аликина Н.А. Дон-Кихот пролетарской революции. Пермь, 2006.
- [4]. ГОПАПК. Ф. 557 (Пермский Губком РКП(б)), оп. 4, д. 55, л. 1.
- [5]. Там же. Ф. 620 (Мотовилихинский РК РКП(б)), оп. 1, д. 429, л. 62 об.
- [6]. Там же. Ф. 579 (Заимский РК РКП(б)), оп. 1, д. 205, л. 28 об.
- [7]. До ноября 1923 г. городскими организациями руководил Пермский Губком, а после его упразднения и создания Окружкома был восстановлен Горрайком.
- [8]. ГОПАПК. Ф. 557, оп. 4, д. 82, л. 169.
- [9]. РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923. М., 2004. С. 288.
- [10]. ГОПАПК. Ф. 1095 (Пермский Горрайком РКП(б)), оп. 1, д. 155, л. 47, 89.
- [11]. Там же Л. 64, 68, 73, 81–83. Протокол собрания от 29 декабря 1923 г. не сохранился, известно лишь, что «предложенная [резолуция] по содокладу тов. Баранова на собрании Бюро ячеек города и Мотовилихи при голосовании в основу получила 68 голосов за при 92 против» [ГОПАПК. Ф. 2 (Пермский ОК РКП(б)), оп. 1, д. 70, л. 19–19 об.].
- [12]. ГОПАПК. Ф. 1095, оп. 1, д. 155, л. 77–78.
- [13]. Там же. Д. 86, л. 37.
- [14]. Там же. Л. 1–2.
- [15]. Там же. Л. 56–57 об.
- [16]. Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 70, л. 14–15 об., 81–82.
- [17]. Там же. Д. 11, л. 14.
- [18]. Там же. Д. 14, л. 157.
- [19]. Там же. Ф. 1095, оп. 1, д. 86, л. 64 об.–65.
- [20]. Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 47, л. 77.

Соколов Юрий

Вологодский государственный
педагогический университет
Исторический факультет
Аспирант
sokol-85@yandex.ru

ПРОПАГАНДА СОВЕТСКОГО ДОСУГА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

(на материалах Европейского Севера России)

В последние десятилетия изучение проблемы советского досуга и повседневности стало одной из актуальных тем в современной отечественной историографии, что связано с повышенным интересом общественности и научной среды к данному вопросу. Эту тенденцию можно расценить как обоюдное стремление историка и читателя понять и прочувствовать те перемены, которые происходили с нашей страной в течение всего XX в.[1]. Попытка оценить вклад пропаганды, ориентированной на воспитание «нового» гражданина, позволит лучше понять цели и результаты форсированного государственного вмешательства в личную жизнь человека в советский период.

Первые шаги большевистского правительства в разработке основ образа жизни советского человека были сделаны в обстановке Гражданской войны и политики «военного коммунизма». Европейский Север России в годы Гражданской войны подвергся нападению стран Антанты. Угроза иностранной военной интервенции, антибольшевистское движение и тяжелое экономическое положение наложили свой отпечаток на координацию правительством особого режима работы и отдыха населения региона[2].

В это непростое время Советское государство начало воспитывать в гражданах конструктивный взгляд на свой досуг — такой, который принес бы пользу в перспективе, развивал личность во время отдыха и позволял человеку полноценно восстановить силы для улучшения трудовых показателей. Понятие «разумный отдых» начало активно пропагандироваться среди современников. Новые реалии тех лет — «субботники» — получали в периодике определение «разумного праздничного труда», «разумных субботников». Проведение досуга на благотворительных спектаклях, коллективных чтениях, митингах занимали

нишу «разумных вечеров», «полезных развлечений», «разумного и здорового отдыха»[3]. Эти мероприятия были неразрывно связаны с усилением борьбы за трезвость среди населения. Большевистская риторика придавала данной социальной проблеме политическую окраску, характеризуя пьянство как один из «пережитков» «антинародного царского режима»[4].

Военное положение, сопряженное с экономическими трудностями, усилило пропагандистскую риторику, посвященную поиску внутренних врагов-«мироедов». Усилия государственной пропаганды также были направлены на организацию взаимопомощи и коллективного быта. Однако на страницах советской печати эгалитарные оценки современности порой превращались в откровенно экстремистские призывы, посвященные требованиям введения запрета на содержание иждивенцев и домохозяек[5].

Новый социальный эталон призывал граждан порвать с «обывательщиной» и «мещанством», понимавшимися как страсть к личному обогащению, малограмотность, исповедание религии и политическая индифферентность. С одной стороны, современники «мещанством» называли все им малопонятное, но с другой — активно обличали «малограмотность» и «отсталость» «буржуазной клики»[6]. В пропагандистской риторике тех дней человек, воспринявший революцию, был всегда строг, дисциплинирован и не позволял прежним «низменным» желаниям овладеть им — будь то желание купить дорогие продукты к обеду или прочесть детективный роман. Вместо этого сознательный гражданин на досуге занимался физкультурой и пропагандировал спорт[7]. В то же время газетные заголовки клеймили позором городских обывателей за интерес к праздным развлечениям и игнорированию митингов и лекций[8].

Календарь праздников в 1917–1920 гг. пополнился празднованием дат Февральской и Октябрьской революций, а также дня освобождения Севера от белогвардейцев (19 февраля), дня работниц (8 марта), дня Парижской коммуны (18 марта), дня солидарности рабочих (1 мая) и др. Однако в данный период на уровне Вологодского губернского исполнительного комитета гражданам официально выделялись отгулы в дни православных праздников[9]. Тем самым благодаря решениям губернских властей традиционный цикл торжеств не подвергался изменению в годы Гражданской войны, несмотря на активное антирелигиозное движение, организованное Советским правительством.

Традиционной формой отдыха граждан оставались народные гулянья и маевки. Несмотря на видимую аполитичность, данные мероприятия отчасти становились ареной для политической агитации (например, в выступлениях балалаечников-куплетистов «на злобу дня»)[10].

Советская пропаганда определила основным местом коллективного отдыха для населения сеть клубов со свободным членством, организованных при коммунистических кружках, партийных и комсомольских ячейках, профсоюзах и гарнизонах. Для членов организации данное объединение гарантировало предоставление определенного спектра прав и привилегий, в том числе бесплатное посещение всех учреждений и мероприятий, организуемых при клубе (возможность занятий в библиотеке, посещения лекций и спектаклей, а у красноармейцев — тира и стрельбищ). Однако членство в клубе накладывало на человека также ряд обязанностей и запретов, таких, например, как требование отказа от алкоголя, азартных игр и «мещанских» ценностей. К тому же клубы обязаны были выступать в качестве основного актива для проведения митингов, субботников, организации коллективного тушения пожаров, восстановления общественного порядка при погромах и т. п.[11].

Одно из важнейших мест в повседневной жизни граждан после 1917 г. стала занимать сеть предприятий общественного питания. В создании подобных учреждений государство преследовало не только цели централизованного обслуживания населения готовым питанием, но и создание ряда культурных центров. Рекомендовалось открытие чайных совмещать с организацией читален, библиотек, закупкой музыкальных инструментов и «разумных игр»[12]. С задачами «поднятия духа общественности», поставленными перед сетью общепита советской пропагандой, можно связать повышенные требования к чистоте данных учреждений и общие рекомендации не пускать в них асоциальных личностей и «дев радости»[13].

Другой коллективной формой проведения досуга детей и взрослых стали пароходные экскурсии и путешествия. Помимо посещения памятников истории и культуры, экскурсии также проводились на производственных объектах, что обычно сопровождалось концертными выступлениями и устройством митингов. Для отчетов о подобных мероприятиях, печатавшихся в периодических изданиях, характерна демонстрация явного пренебрежения современников к монастырским и церковным древностям, в отличие от восхищенных отзывов после экскурсий по объектам промышленности[14]. Тем самым в свете пропаганды прежние объекты паломничества должны были утратить свое

былое значение, а новыми святынями объявлялись заводы, фабрики и трудовые достижения.

Материальные поощрения, которые стали предоставляться членам профсоюзов и участникам субботников в виде бесплатных билетов на культурные мероприятия, становились объектом социальной рекламы на страницах периодической печати. Такие акции, как «Доступный театр» и «Бесплатный кинематограф», с 1918 г. активно пропагандировались как одно из завоеваний Октябрьской революции[15]. С одной стороны, киносеансы и спектакли становились мотивирующим фактором для сбора населения, а с другой — были эффективным методом политической пропаганды благодаря своей яркой форме и доступности для неграмотного населения[16].

Политика 1917–1921 гг. в отношении личной жизни членов ВКП(б) и РКСМ к концу Гражданской войны была значительно смягчена. Опасения перейти мало кому ясную грань между «буржуазностью» и соответствием коммунистическим идеалам порождали целые дискуссии по вопросам быта и межличностных отношений[17]. Отныне официальная печать разъясняла явную неуместность показной аскезы среди членов партии, с помощью которой они прежде отвергали любые обвинения в «мещанстве»[18]. В отношении отдыха комсомольцев, которым в годы Гражданской войны рекомендовалось воздерживаться от увеселений, компромиссным решением стала совместная организация развлекательных вечеров и союзных собраний для молодежи. Своя стратегия досуга прорабатывалась и для сельских комсомольцев. Однако всюду шел поиск возможностей для вовлечения членов партии и комсомола в агитационно-пропагандистскую деятельность, в том числе во время отдыха и занятий народными промыслами[19]. Тем самым партийная организация ставила под жесткий контроль каждый шаг человека во время его работы и отдыха и требовала от него по возможности максимальной отдачи.

Из всего вышесказанного можно заключить, что государственная пропаганда в годы Гражданской войны в целом сформулировала концепцию советских форм досуга, для которых была характерна общественная полезность, коллективные начала и нравучительность. Государство пропагандировало умеренность в быту как противовес мелкобуржуазным устремлениям «отмирающему классу» мещан и буржуазии. Идеал большевистской пропагандистской риторики выразился в стремлении к установлению тотальной организация труда, быта и свободного времен советских граждан.

Примечания

[1]. *Соколов А.К.* Путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник. М., 2004. С. 50; *Хлытина Т.П.* Советское «повседневье» в пространстве «большой» истории: проблемы и возможности «малого» жанра // Гуманитарная мысль Юга России. 2001. № 1. С. 43–44.

[2]. Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 1853, оп. 2, д. 15, л. 8; д. 68, л. 2; Государственный архив Вологодской области. Ф. 120, оп. 2, д. 16, л. 2.

[3]. Известия Вологодского губернского исполнительного комитета советов рабочих и крестьянских депутатов (далее — Известия). 1918. 4 июня; Красный Север. 1920. 9, 13, 19 мая, 15 июня.

[4]. Молодой коммунист. Издательство Архангельского губернского комитета Российского коммунистического союза молодежи (далее — Молодой коммунист). 1922. № 1. С. 24–25.

[5]. Красный набат. Орган Вельского исполнительного комитета (далее — Красный набат). 1919. 22 января.

[6]. Красный Север. 1920. 24 марта, 8 мая.

[7]. Известия. 1919. 25 марта; Красный Север. 1920. 13 мая, 25 июня; Молодой коммунист. 1922. № 4. С. 16–17; Рабочий. 1919. 1 мая.

[8]. Красный Север. 1920. 3 января.

[9]. *Зашихин А.Н.* Первые праздники «Освобождения Севера». Тема гражданской войны в официальной пропаганде 20-х гг. // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999. С. 96–97.

[10]. Известия. 1918. 14 июля.

[11]. Там же. 22 ноября; 1919. 19 мая; Красный Север. 1920. 19 октября.

[12]. Известия. 1918. 13 декабря.

[13]. Там же. 1919. 11 февраля.

[14]. Красный Север. 1920. 25 июня, 26 июня; Молодой коммунист. 1922. № 5. С. 36–37; Школьная заря. Издание ячейки РКСМ при Вологодской единой трудовой школе второй ступени №1. 1920. № 1. С. 5–7.

[15]. Известия. 1918. 16 ноября; 1919. 8 марта; Красный Север. 1919. 21 мая; 1920. 12 июня.

[16]. На грани. Политический, литературно-художественный, научный и педагогический журнал. Книга первая. Вологда, 1921. С. 63–64.

[17]. *Тихомиров Б.* Сердцу дороги эти годы // Юность комсомольская моя. Вологда, 1964. С. 170.

[18]. *Картов В.* Взаимоотношения члена РКП с семьей и обществом с точки зрения партийной этики // Северная звезда. Ежемесячник Вологодского губернского комитета РКП(б). 1922. № 1–2. С. 27–28.

[19]. Молодой коммунист. 1922. № 2. С. 20–21; № 4. С. 17.

Стриха Ярослава

Национальный университет
«Киево-Могилянская академия»
Студентка 4-го курса
branwen@ukr.net

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ: НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ЖАДАНА

Заинтересованность темой памяти зачастую связана с поворотными моментами истории, когда «чувство разрыва с прошлым соединяется с чувством разорванной памяти, и в этом разрыве сохранено еще достаточно памяти, чтобы возникла проблема ее воплощения»[1]. Память оказывается синонимом культурного багажа прошлого и порождает ностальгический дискурс в разных сферах, в частности в литературе. Опираясь на сознательно/неосознанно несовершенные воспоминания, автор предлагает приватное видение детства, мифологизированную, утраченную, личностную родину[2], метафорами которой выступают разнообразие места памяти.

В своей работе я буду анализировать проблему памяти и забвения в творчестве Сергея Жадана, одного из самых популярных современных писателей Украины. Тексты Жадана довольно репрезентативны в отношении той культурной раздвоенности, в которой после распада Советского Союза оказалась значительная часть населения Украины: вследствие активного переосмысления истории старые культурные мифы реинтерпретируются или же теряют актуальность, заменяясь альтернативными. Анализ романов Сергея Жадана может быть плодотворным для выявления стратегий, к которым прибегают авторы, создавая новые места памяти либо трансформируя старые. Особенно интересным предстает тот факт, что тексты С. Жадана ориентированы на сравнительно молодую аудиторию, которая либо не застала Советский Союз, либо плохо его помнит.

1. Ностальгическая красота — самая демократическая из эстетических удовольствий, поскольку ностальгия принадлежит всем[3]. Обращение Жадана именно к этой эстетике кажется не случайным: его (/украинская) идентичность, оказавшись на распутье после распада

Советского Союза, сразу столкнулась с рядом вызовов[4], логичным продолжением чего представляется попытка конструирования мифа о единстве и общности украинского исторического пространства (понятие исторический/культурный/литературный под определенным углом зрения взаимозаменяемы).

Жадан предлагает единственную для всей Украины политику идентичности через фетишизацию конца 1970–1980-х гг.; более давняя история — и политическая история советской эпохи, и казакоцентрический миф, и аристократические мифы украинской истории, конструируемые, скажем, Юрием Андруховичем и Оксаной Забужко, — разъединяют аудиторию, поскольку предлагают читателям выбор между демонизированным «близким другим», в сравнении с которым формируется образ «своих», и желаемой для автора идентичностью. Жадан же настаивает на том, что в «кино о его восьмидесятых» «было бы достаточно положительных персонажей, отрицательных в нем не было бы совсем, в каждом случае я бы не хотел, чтобы они там появлялись. Более того — в таком кино даже персонажи потенциально отрицательные... обязательно трактовались бы как герои, пусть и не положительные, но и не без достоинств»[5]. Центральной оппозицией становится не «свой–чужой», а «прошлое–настоящее» как противостояние мифологизированной эпохи личностного героизма и личной ответственности — и современности, где индивид может быть только винтиком системы, более или менее эффективным.

Бросаются в глаза параллели с немецким дискурсом «ностальгии», которая, переосмысливая знаки потребительского поля и сферы политической культуры[6], превращает артефакты в объекты культа. Напомню, что эту политику идентичности породил кризис неоправданных надежд бывших граждан Восточной Германии на «happily ever after» после падения Берлинской стены, и именно этот дискурс оказался общей почвой для всех немцев. Жадан в своих текстах переосмысливает не менее стигматизированный период украинской истории.

2. Ностальгию можно интерпретировать как разновидность регресса или невроза, как знак неприспособленности к жизни, которая изменилась[7]: «Когда перед тобой столько дверей, ты никогда не знаешь, в какие именно нужно войти. <...> Как-то неожиданно я остался сам, без друзей и знакомых, без учителей и наставников, и только пассажиры, которые стоят здесь и рядом со мной, на конечной, под дождем, впикиваются в троллейбусы, и я им, кажется, мешаю»[8]. Традиционной является оценка текстов Жадана как воплощение трав-

мы метафорической безотцовщины, недоверия к каким бы то ни было авторитетам и традициям, после того как старые на его глазах обесценились[9]. Определенным подтверждением такой оценки является и то, что в своей прозе и поэзии Жадан переосмысливает феномен шестидесятничества, центральной метафорой которого был дом, сдвигающая смысловой центр к образу дороги[10]. Однако ту же дорогу можно трактовать и как метафору взросления, инициацию, завершение цикла времени — переходя «из одной//пустой комнаты в другую» («Елегия для Урсулы»), лирический герой каждый раз проходит сквозь смерть и новое рождение — «умерев раз, ты продолжаешь путь//через ночные дворы...» («Жить значит умереть»). И в этом контексте сквозной рефрен того же «Депеш Мод», а также многочисленной малой прозы Жадана — «развалить страну» — уже не звучит, как приговор, скорее — как пролог: «Страна умерла — пусть живет страна».

3. Балансировка на грани между индивидуальной и социальной интеграцией — одна из ключевых дилемм для лирических героев Сергея Жадана. Его интригует девиантное поведение, в конце концов, социум ведь предал его героев (/его самого), и потому выступить против социума в крестовый поход — не грех, а дело чести и подвиг. Однако в их протесте, в их мелких нарушениях, тайном свободолюбии, битвах стенка на стенку после очередного футбольного матча чувствуются следы прежде всего карнавальной культуры (Джон Фиске более детально описывает параллели между карнавальной культурой и спортом: публика словесно и физически принимает участие в происходящем, зрители являются его частью и получают удовольствие, нарушая нормы)[11] — а карнавал, как институт, призван опосредованно утверждать господствующую идеологию и демонстрировать ее истинную нерушимость.

4. Невзирая на идеализацию советского периода, к советскому официальному дискурсу Сергей Жадан не имеет ни малейшей симпатии. Весьма показательным текстом в этом отношении является «Anarchy in the UKR», в котором уживаются любование эстетикой того периода и полное отвращение к его мифам и культурным практикам. Фрагменты советского официального идеологического мифа обыгрываются и трагестируются — вполне в соответствии с тезисом Дика Геббиджа о том, что символической формой сопротивления господствующим и отцовским культурам со стороны молодежных субкультур является так называемый процесс «дробления», переработки и использования материальной и культурной продукции не предусмотренным изготовителем способом — и получение вследствие этого противоположных това-

ров[12]: здесь и гедонист Тито из «Депеш Мод», и злоупотребляющий кислотой Маркс; оттуда — нерушимые символы системы используются в культурных практиках молодежной контркультуры.

При этом Жадан предоставляет своим героям советского времени достаточно большое пространство для маневров, чтобы остаться самим собой, тогда как героям-современникам он практически отказывает в этом. Возможно, потому, что в Советском Союзе 1980-х существовала крайне важная территория свободы — приватное пространство, которое можно было кое-как отгородить от остального мира; мир же, современный Жадану, активно диктует прежде всего повседневные культурные практики, и потому попытку интеграции в такое общество Жадан приравнивает к продаже души по дешевке: «регулярное питание, спортивные залы, теннисные корты, нормальные знакомые, высшее образование, хорошая музыка, имеется в виду — живая хорошая музыка, не в записях, хотя и хорошие записи тоже, — короче, весь тот минимальный набор протезов и искусственных челюстей для более удобного передвижения по этой жизни, которыми тебя одаривает система в том случае, если ты согласишься переписать в завещании на ее имя собственные почки, легкие, половые органы и душу»[13].

История поглощает память. Человека-памяти, по определению Пьера Нора, уже нет, однако в самой личности существует место памяти[14], отдельный объект, который ссылается на историю в целом. Местом памяти, метафорой прошлого, каким оно было/не было/могло быть/хотелось бы, чтобы было, являются и сами тексты Сергея Жадана.

Тексты Сергея Жадана четко интегрированы в конкретную эпоху украинского культурного континуума: они созданы временем поисков культурно-исторических координат. Утопию, которую социалистическая идеология так долго проецировала в будущее, Жадан и некоторые другие писатели все чаще ищут в прошлом, переосмысливая старые символы и культурные факты и придавая им новое значение. Ведь воспоминания можно назвать процессом воображаемой реконструкции, когда специфические образы, созданные в настоящем, интегрируют в особый, отождествляемый с прошлым контекст — то есть они только метафорически репрезентируют его, выражая, на самом деле, современные представления[15].

Порожденный этим процессом ностальгический дискурс, ярким представителем которого является Сергей Жадан, воплощает стремление личности в шатком, неподвластном ей мире к единственной территории, над которой можно заполучить власть абсолютную. Это про-

странство — прошлое, которое можно творить по своему образу и подобию. В конце концов, по Милану Кундере, борьба за идентичность прежде всего является «борьбой памяти против забвения»[16].

Примечания

[1]. *Нора П.* Проблема мест памяти. Франция — память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1999. С. 17.

[2]. *Brzezinska M.* «Powrot umarlego» Martina Pollacka fotografie przeszlosci. Borussia. Kultura. Historia. Literatura. 2007. N 41. S. 52.

[3]. *Zaleski M.* Formy pamieci. Lodz: Slowo/Obraz. Terytoria, 1998. S. 15.

[4]. Здесь кажется уместным вспомнить утверждение Бакстера (Baxter) в «The Business of Memory»: фетишизация памяти является порождением общества, которое борется с перенасыщенной информацией. (Цит. по: *Berliner D.* The Abuses of Memory: Reflections on the Memory Boom in Anthropology. P. 199.)

[5]. *Жадан С.* Anarchy in the UKR//Капітал. Харків: Фолио, 2007. С. 275.

[6]. См.: *Merkel I.* From Stigma to Cult: The change of interpretation in the East German culture of consumption // Knowing Consumers: Actors, Images, Identities in Modern History: Conference at the Zentrum für Interdisziplinäre Forschung in Bielefeld, Germany. February 26–28, 2004.

[7]. *Zaleski M.* Op. cit. S. 17.

[8]. *Жадан С.* Деш Мод//Капітал. Харків: Фолио, 2007. С. 61.

[9]. *Гундорова Т.* Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодерн. Київ: Критика, 2005. С. 169.

[10]. Там же, С. 160.

[11]. Цит. по: *Сторі Дж.* Теорія культури та масова культура. Львів: Акта, 2005. С. 178.

[12]. То же. С. 171.

[13]. *Жадан С.* Деш Мод//Капітал. С. 129.

[14]. *Нора П.* Указ. соч. С. 39.

[15]. *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 200.

[16]. Цит. по: *Hnatiuk O.* Pozegnanie z imperium. Ukrainskie dyskusje o tozsamosci. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2003. S. 179.

Суслов Иван

Саратовский государственный технический университет

Аспирант

Научный сотрудник Центра социальной политики и
гендерных исследований (Саратов)

Suslov85@inbox.ru

«ВРАЖЕСКИЕ» ГОЛОСА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, ИЛИ ПОЧЕМУ КРЕМЛЕВСКИЕ ВОЖДИ ОПАСАЛИСЬ ВСЕОБЩЕЙ РАДИОФИКАЦИИ СТРАНЫ

Феномен бытия индивида в условиях тоталитарного режима проходит красной линией в большинстве работ, посвященных советскому обществу. Интересным ракурсом анализа было бы обращение к изучению феномена тайного прослушивания зарубежных радиостанций в контексте советской повседневности. Индивид, слушая «вражеские» голоса, получал огромное количество новой информации для размышления, иную от официальной картину реальности, и в отличие от самиздата радио было намного доступнее (не требовало включенности в социальные сети) и информативнее. В июле 1960 г. Л. Ильичев (заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС по республикам) докладывал в ЦК КПСС, что в СССР имеется около 20 миллионов радиоприемников, способных принимать зарубежные радиостанции[1].

Парадоксально, но во многих современных работах, посвященных советскому обществу, воспроизводится советский властный дискурс. В частности, радиовещание «империалистических государств» в СССР объявлялось основным каналом для проникновения «враждебной идеологии и всевозможных слухов»[2]. Вслед за советскими министрами российские исследователи также отмечают, что голоса были самым мощным механизмом западной пропаганды[3].

В настоящем исследовании для проникновения во внутренние смыслы феномена предполагается спуститься на микроуровень восприятия зарубежных голосов в повседневной жизни. Вслед за Н. Пушкаревой отметим, что фокусом нашего анализа будет изучение социального, с точки зрения индивида, его повседневного сознания и поведения[4]. Необходимо понять, как тоталитарный контроль воспринимался советскими людьми. В качестве лакмусовой бумажки исполь-

зается отношение граждан к официально не запрещенному прослушиванию иностранных радиостанций. Нас будут интересовать причины, по которым люди слушали «вражеские голоса», какое место это занимало в их повседневной жизни, как они рефлексировали феномен полузапрещенности прослушивания. В своей новой книге Т. Горяева задается вопросом, как радиопропаганда воспринималась по ту сторону эфира. Источником информации у нее выступают воспоминания В.И. Вернадского и «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына[5]. Наше же исследование проведено в рамках устной истории, и эмпирической базой служат биографические нарративы вольномыслящих саратовских интеллигентов, погруженные в контекст традиционных исторических источников (мемуары, тексты самиздата, отчетные записки властных инстанций). Действительно, как замечает Л. Пассерини, для понимания социально-исторических процессов необходимо не только знание повседневной жизни обычных людей, но и изучение идей, питающих повседневный опыт[6].

В работе использована концепция «публичного пространства», предложенная В. Воронковым. Исследователь утверждает, что в советском государстве отсутствовало публичное пространство, где граждане могли бы обсуждать политику государства, и, более того, границы публичной и приватной сферы были размыты и прозрачны. Темы, дискутировавшиеся в официальном публичном пространстве, подвергались жесткой цензуре[7]. Прослушивание же западных радиостанций мы определяем вслед за Б.М. Фирсовым как конкретную социальную практику, в которую облекалось разномыслие в тоталитарном государстве, способствовавшую процессу постепенного разрушения идеологической системы в сознании людей[8].

О существовании зарубежных радиостанций, транслируемых на территорию СССР, знали все советские граждане. Парадоксально, но основным источником этого знания были официальные средства массовой информации, клеймившие «конкурентов». Однако утверждение, что советские люди слушали иностранные радиостанции, по идеологическим причинам следует поставить под сомнение. Информанты утверждают, что в большинстве случаев первый выход на зарубежную волну происходил случайно, а впоследствии прослушивание становилось одним из вариантов проведения досуга — иностранные радиопередачи в первую очередь являлись альтернативным развлекательным ресурсом. Во властных советских инстанциях рассуждали в том же ключе, предлагая два способа борьбы с зарубежным радиовещани-

ем: отказ от выпуска коротковолновых радиоприемников и улучшение качества советских радиопередач[9]. По существу, официальными органами проблема досуга советских людей возводилась в ранг политической!

Факт прослушивания западных радиостанций входил в противоречие с моральным обликом строителя коммунизма. С точки зрения официальной пропаганды советский человек подвергался влиянию разлагающейся западной культуры, не содержащей в себе ничего достойного внимания. Информанты отмечают, что прослушивание западных радиостанций порождало внутриличностное противоречие, детерминированное тем, что люди тяготились чувством совершения чего-то противозаконного. Прослушивание радиостанций субъективно определялось как нечто «неприличное» (т. е. социально неодобряемое действие) — иной термин информантам подобрать было сложно. Поэтому, хотя и не существовало законов, запрещавших «ловить» западные радиостанции, люди стремились это делать тайно, соблюдая определенные меры предосторожности, и обсуждение зарубежных радиопередач велось только в приватной обстановке.

Вторжение «вражеских голосов» в публичную сферу общества трактовалось не как проявления пропаганды, а скорее как «озорство». Как вспоминают информанты, они слышали истории, что в пионерских лагерях, на турбазках шутники на полную мощность транслировали передачи западных радиостанций, веселя окружающих и приводя в трепет начальство. Некоторые советские граждане позволяли себе в состоянии подпития выставлять радиоприемник в окно и, включив его на полную громкость, знакомить случайных прохожих с последними новостями «Голоса Пекина». Люди делали вид, что ничего не замечают.

Феномен прослушивания «голосов» сложно объяснить в терминах тоталитарной парадигмы как следствие оболванивания советского населения официальными СМИ, а отказ от обсуждения «голосов» в публичной сфере трактовать как проявление двоемыслия. Необходимо учитывать, что, отвернувшись от официоза, советский человек не спешил приобщиться к оппозиционным знаниям интеллигентской фронды и не испытывал потребности в формулировании абстрактных выводов[10]. Тем более что, как пишет А. Шубин, конкретные (правда, далеко не все) проявления социальной и политической несправедливости критиковались и в официальном публичном пространстве[11].

Однако в повседневной жизни интеллигенции «вражеские голоса» играли весомую роль. Люди, расположенные к более глубокой рефлексии

сии окружающей реальности, искали в иностранных радиоволнах дополнительную информацию. Прослушивание определяется информантами не как хобби (занятие в свободное время), но как некоторая часть жизни. Включали радиоприемник регулярно вечером (после работы), но без цели услышать любимые передачи. Зарубежные волны глушились, и поэтому передачи слушались беспорядочно, на тех радиостанциях, которые удавалось поймать.

Интеллектуалы, критично относившиеся к советской пропаганде, очень пристально следили и за официальными СМИ, стремясь сопоставить различные интерпретации событий, чтобы получить объективное знание. Особое внимание информанты уделяли передаче «Глядя из Лондона», которую вел А.М. Гольдберг. Его обзоры международного положения отличала «внятность рассказа», но «таких, как Гольдберг, было, к сожалению, мало». Иностранные радиостанции, если и не формировали мировоззрение, то точно прорывали информационную блокаду. Прослушивание играло центральную роль в формировании идентичности инакомыслящих: человек, слушающий «голоса», воспринимался как единомышленник. Дело в том, что далеко не все интеллигенты интересовались политикой, для определенной ее части зарубежные радиостанции были просто не интересны.

Таким образом, следует подвергнуть критике мнение о существенном влиянии зарубежных радиостанций на формирование инакомыслия в СССР. Катализатором инакомыслия чаще всего становилось личное столкновение индивида с несправедливостью. Обратившись к «вражеским голосам» как альтернативному источнику информации, многие граждане пытались добиться справедливости, используя советские способы коммуникации с властью, другие же отказывались от диалога с властью, превращаясь во внутренних эмигрантов.

Примечания

[1]. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / Сост. В.А. Козлов, О.В. Эдельман, Э.Ю. Завадская; Под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко. М.: Материк, 2005. С. 112.

[2]. **Записка ЦК КПСС о заглушении иностранных радиостанций. 6 августа 1958 г.** // *Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов: Документы.* М., Моск. шк. полит. исслед., 2000. С. 586.

[3]. *Финкельштейн Э.* Русские голоса в зарубежном эфире // *Знамя*, 1996. № 7. С. 179–192.

[4]. *Пушкарева Н.Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 46.

[5]. *Горяева Т.* Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х–1930-х годах. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2009. С. 151.

[6]. *Пассерини Л.* Рабочие Турина и фашизм // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. С. 231.

[7]. *Воронков В.М.* Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 168–200.

[8]. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008. С. 335.

[9]. Записка ЦК КПСС о заглушении иностранных радиостанций... С. 591.

[10]. *Балина М.* 1970-е: из опыта буратинологии // Неприкосновенный запас. 2007. № 3. С. 182.

[11]. *Шубин А.В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008.

Терещенков Леонид

Петрозаводский государственный университет
Исторический факультет
Аспирант
tereshenkovster@gmail.com

ПУБЛИЧНЫЙ ДОНОС «30-х годов» КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ «ИСТИННО СОВЕТСКОЙ И БОЛЬШЕВИСТСКОЙ» БИОГРАФИИ

Партийный стаж был одной из важнейших биографических характеристик человека на протяжении всего периода советской истории. Этот своеобразный стержень жизненного пути определял формы и методы презентации и самопрезентации личности в советском обществе, а также специфику ее позитивной или негативной дискриминации. Траектория партийной биографии должна была быть в должной мере ортодоксальной, иметь правильную хронологию и периодизацию, не противоречащую «генеральной линии» партии. Особенно острые формы борьба за «истинную партийную биографию» принимала в среде старых большевиков, членов РСДРП с дооктябрьским стажем и коммунистов с пооктябрьским членством до Ленинского призыва в ряды РКП(б).

Благополучие, да и сама жизнь этой немногочисленной после Ленинского призыва 1924 г. страты партийцев всецело зависели от возможности политически корректно объективировать свой партийно-биографический нарратив. Результаты такого «самоформатирования» своей партийной биографии коммунист должен был представить соответствующим партийным органам, чаще всего профильной комиссии Общества старых большевиков или партийной контрольной комиссии необходимого уровня. Если старому большевику удавалось избежать интерпретации каких-либо событий своей биографии как изобличающих «эсеро-меньшевистский» характер его деятельности в рядах партии, отвести от себя дежурные подозрения в провокаторстве и засвидетельствовать знакомство с людьми, олицетворявшими «генеральную линию» ВКП(б), он мог рассчитывать на положенные привилегии. В противном случае дело могло закончиться исключением из рядов партии с последующим вероятным знакомством с соответствующими государственными органами системы ОГПУ–НКВД.

Оборотной стороной подобной практики надзора за биографиями стали различного рода доносы и клеветнические измышления. Их авторы стремились повысить ортодоксальность своих партийных биографий, доказывая политическую неблагонадежность своего ближайшего окружения, либо пытались оттеснить конкурентов от обсуждения события революционной истории, вокруг которого конструировали легитимность своей биографии. Весьма показательна в связи с этим дискуссия в Карельской историко-партийной комиссии о роли старого большевика Александра Антоновича Копяткевича (1886–1960) в работе Петрозаводского комитета РСДРП во время Первой русской революции.

А.А. Копяткевич был членом РСДРП с 1905 г. (вступил в Петербурге). В 1906–1908 годах он входил в состав комитета РСДРП в Петрозаводске, о чем в 1922 г. опубликовал мемуары[1], в то время не особенно замеченные. Однако в 1935–1937 гг. по поводу его воспоминаний разгорелась дискуссия из-за того, что два члена Каристпарта (Х.Г. Дорошин и А.Н. Огарков) стали оспаривать у А.А. Копяткевича приоритет в деле создания первой петрозаводской большевистской организации[2]. А.А. Копяткевич довольно аргументированно доказывал, что уже в 1906–1908 гг. в Петрозаводске существовал комитет РСДРП, преимущественно большевистский по своей политической ориентации[3]. Х.Г. Дорошин и А.Н. Огарков, в свою очередь, на вечерах воспоминаний Каристпарта в начале 1930-х гг. также позиционировали себя как создатели первой в Петрозаводске организации РСДРП(б) в декабре 1917 г.

Начало спорам было положено статьей одного из кураторов историко-партийной работы в АКССР от системы НКВД Хропова. Он сам являлся участником боевых действий против интервентов на Мурманском направлении Северного фронта в годы гражданской войны, в 1930-е гг. работал в системе НКВД Ленинграда и активно направлял работу Карельского Истпарта совместно с кураторами из Ленинградского института истории ВКП(б). Имея ряд публикаций в центральной партийной печати по проблемам иностранной интервенции[4], Хропов решил, видимо, расширить сферу своих историко-партийных изысканий, затронув историю развития социал-демократического движения в Карелии. В своих публикациях начала 1930-х гг. он подчеркивал оппортунистический, меньшевистский характер Петрозаводской организации РСДРП в 1906–1908 гг.

Вполне вероятно, что статья Хропова могла быть инспирирована некоторыми активистами Каристпарта. Во всяком случае, обсуждение этой публикации приобрело гипертрофированный характер в силу того,

что появился повод для обвинений в адрес Копяткевича его оппонентами. Ситуация складывалась настолько серьезно для дальнейшей судьбы Александра Антоновича, который находился в 1930-х гг. на ответственной партийной работе в Москве, что он вынужден был в 1935 г. написать пространную объяснительную записку в Каробластком. Отводя от себя обвинения в меньшевизме, он особо подчеркивает, что мерить реалии 1906–1908 гг. меркой соблюдения «генеральной линии партии» в 1930-х гг. невозможно: «Как правило, в те времена организации были объединенные. Петрозаводск оказался в более счастливом положении: у него меньшевизм не имел места, ибо личность одного тогдашнего троцкиста Ашкинадзе не могла делать погоду»[5]. Однако наличие троцкиста в петрозаводской организации как раз и инкриминировали А.А. Копяткевичу, несмотря на то что «Ашкинадзе входил в большевистский комитет, получал большевистскую литературу от большевистского П.К. (Питера) и распространял ее» и его расхождения с большевистской линией в тот период не наблюдались[6]. Чтобы окончательно защитить себя от нападков, А.А. Копяткевич вынужден был ссылаться на позицию вождей партии: «Хропов, вероятно, знает, что писал т. Сталин о Троцком и о том, как он после 1905 г. совершал тушинские перелеты от большевиков к меньшевикам и обратно. А если так, то почему его “ученик” Ашкинадзе не мог работать с большевиками. Замазывался ли его троцкизм? В 1907–1908 гг. он менее замазывался, чем в моих воспоминаниях, писанных в 21 году, когда, по политическим соображениям, троцкистов дискредитировать было невозможно. И теперь, конечно, можно сказать, что у нас далеко не здоровая обстановка складывалась с Ашкинадзе, когда шел спор о диктатуре пролетариата и крестьянстве, но ведь надо знать обстановку 1907–1908 гг., когда даже Ленин выпускал брошюру вместе с Даном, а в 1906 г. поддерживал Троцкого»[7].

Доводы А.А. Копяткевича были признаны убедительными, и казалось, что нападки его критиков должны прекратиться. Однако для членов партии с 1917 г. Х.Г. Дорошина и А.Н. Огаркова, которые утверждали, что только по их инициативе в конце 1917 г. возникает первая большевистская организация в городе, такой исход разбирательства был неприемлем, так как ставил под сомнение их личные заслуги. В 1937 году был составлен документ, озаглавленный «Заявление членов ВКП(б) гг. Дорошина и Огаркова на Копяткевича. В комиссию партийного контроля»[8]. Не надеясь после грамотной и политически корректной отповеди А.А. Копяткевича поймать его на «уклоне» или «за-

гибах», доносители решают уличить мемуариста в провокаторстве. Они заявляют, что деятельность А.А. Копяткевича связана с провалом в Петрозаводске организации РСДРП в 1908 г. Далее информанты доводят до сведения контролирующих органов о странной симпатии А.А. Копяткевича к отдельным полицейским чиновникам: «Станным кажется, что старый большевик Копяткевич уделяет в своей брошюре внимание полицмейстеру Петрозаводска Чернышу, который якобы неоднократно предупреждал СДо предстоящих обысках жандармерии»[9], что он и далее был с ним связан, что в 1917 г., скорее всего по ходатайству Копяткевича, «Черныш устраивается делопроизводителем в милиции, а потом при удобном случае скрывается и, по непроверенным слухам, в Крыму расправлялся с рабочими массами как отъявленный контрреволюционер. Живой свидетель тов. Огарков доказывает, что Черныш в 1906 г., когда Огарков попал с первомайскими листовками, был избит самим Чернышом, а потом по его приказанию городовыми. Вот революционность Черныша. А Копяткевич в брошюре говорит стр. 24–25 “Где-то теперь Черныш, в наших ли рядах”»[10].

Вдобавок, считали Дорошин и Огарков, А.А. Копяткевич неспроста оказался таким плохим конспиратором в 1908 г.: «Как могло случиться, что имея на петрозаводской квартире этажерку с потайным ящиком, где имелись и хранились циркулярные письма, при обыске у Копяткевича нашли эти документы. <...> Наконец, Копяткевич знает, что его арестуют. Подготовился к этому, и полиция находит список с пометой членских взносов и фотографическую карточку группы 10 человек»[11].

Однако «бдительность» противников А.А. Копяткевича могла обернуться и против них. Дело в том, что А.А. Копяткевич до означенных событий 1935–1937 гг. уже представал перед органами партийного контроля в Москве в 1927 г. Его верность «генеральной линии» и партийный стаж с 1905 г. лично подтвердил старый товарищ по студенческому кружку РСДРП Петербургского Политехнического института Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин). И ответственная партийная работа в Москве также осуществлялась А.А. Копяткевичем под началом В.М. Молотова. Вероятно, это повлияло на то, что донос остался без последствий. Вместе с тем во время массовых репрессий ситуация могла сложиться и по-иному.

Дискуссия вокруг политической платформы Петрозаводского комитета РСДРП 1906–1908 гг., проходившая в 1935 и 1937 гг. в Каристпарте, представляет типичный образец использования публич-

ного разбирательства недостаточно проясненных вопросов истории революционного движения для оформления публичного доноса. Умение конструировать правильную «подлинно советскую и большевистскую биографию» было важнейшим навыком члена ВКП(б). В свою очередь, хитросплетения внутрипартийной борьбы стимулировали доноительство как наиболее эффективный способ доказательства лояльности и борьбы за чистоту партийных рядов.

Примечания

[1]. *Копяткевич А.* Из революционного прошлого в Олонецкой губернии (1905–1908 гг.) / Александр Копяткевич. Петрозаводск: Изд. Кар. Обкома РКП(б), 1922.

[2]. НА РК. Ф. П-14, оп. 1, д. 11, л. 9 об.–10 об.

[3]. *Копяткевич А.* Указ. соч. С. 3.

[4]. *Хропов И.Н.* От Февраля к Октябрю в Карелии // Карело-Мурманский Край. 1928. № 3. С. 2–6; *Он же.* Советская Карелия в борьбе за красный Петроград // Там же. 1929. № 10. С. 19–21; № 11–12. С. 25–29.

[5]. НА РК. Ф. П-14, оп. 1, д. 138, л. 1.

[6]. Там же. Л. 2–3.

[7]. Там же. Л. 3.

[8]. Там же. Д. 15.

[9]. Там же. Л. 7.

[10]. Там же.

[11]. Там же.

Яценко Ольга

Европейский университет в Санкт-Петербурге
Факультет политических наук и социологии
Соискатель
oyaschenko@eu.spb.ru

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА
СОВЕТСКОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ:
МЕЖДУ ЛИЧНЫМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ**
*(на примере биографического интервью с женой
номенклатурного работника)*

Доклад посвящен этакратическому брачному порядку и личному женскому опыту, конструированию женственности и образа жены в советское время. Текст основывается на анализе биографического интервью с женой партийного работника (1918 г. р.) и состоит из двух частей. В первой части описаны социальные условия исторического промежутка, который охватывается интервью. Во второй части представлен анализ биографического нарратива.

***Часть 1. «Новая советская история»:
нормы повседневной морали***

1 января 1927 г. в Советском Союзе вступил в силу новый Брачный кодекс, в связи с чем началась новая эпоха существования советской семьи. Теперь основными ориентирами советской семейной политики и приоритетами в отношениях супругов стали считаться стабильность и моногамность. Вмешательство государства в личные отношения людей стало более значительным, а брак стал обязанностью, особенно для представителей элитных слоев советского общества (партийных номенклатурных работников).

Сексуальные отношения до вступления в брак порицались, а сексуальная жизнь супругов строго регламентировалась. В соответствии с «новой советской моралью», основывающейся на новом Брачном кодексе, половая жизнь должна была иметь место только в браке и должна была быть связана именно с репродукцией, с воспроизводством новых членов советского общества, а не с наслаждением. Женщина

должна была реализовать себя как мать, на что делала акцент пропагандистская литература того времени. В дальнейшем эта тенденция усилилась в связи с предвоенными репрессиями и огромными потерями во время Великой Отечественной войны.

27 июня 1936 г. были запрещены и стали уголовно наказуемы искусственные аборты. Исключение составляли те случаи, когда аборты делали в соответствии с медицинскими показаниями. Подготовка к этому шла давно. С конца 1920-х гг. в стране систематически снижалась рождаемость.

Сталинские репрессии (1930-е гг.) и Великая Отечественная война (1941–1945) спровоцировали громадные демографические потери, особенно мужского населения. Для смягчения таких последствий советское правительство приняло ряд мер, искусственно укрепляющих брачные союзы. Но у таких репрессивных практик был и обратный эффект — увеличилось число внебрачных связей.

Государству необходим был в таких условиях еще больший контроль над индивидом и его личной жизнью. Зависимость индивида от государства укреплялась посредством контроля коллектива над своими членами, как рабочими, так и семейными людьми. Развод делал человека неблагонадежным в политическом плане, особенно если это касалось партийных работников и тех, кому предоставлялись поездки за рубеж.

На примере представителей номенклатурных слоев становится особенно заметным контроль государства за частной жизнью в отношении семьи. Семья должна была быть, хотя бы внешне, образцово-показательной. Отклонение от этого стандарта не только публично осуждалось и осуждалось, но было чревато карательными санкциями.

Так выглядели политические и социальные условия того исторического промежутка, который охватывается биографическим интервью с женой номенклатурного работника. Нарратив лег в основу второй части текста, где я показываю, каким образом рассказчица конструирует свою женственность и создает образ жены советского образца на разных этапах семейной жизни.

Часть 2. Между личным и политическим: рассказ о семейной жизни

Респондентка Анна Ивановна родилась в 1918 г. в белорусской деревне, в Гомельской области. В ее семье кроме родителей были еще младшие брат и две сестры, причем вторая сестра родилась, когда Анне

Ивановне было уже 19 лет. В связи со смертью матери во время Великой Отечественной войны Анна Ивановна заменила девочке мать и воспитывала ее со своими детьми в своей собственной семье. В 1936 году рассказчица поступила на географический факультет Педрабфака в городе Гомеле, где и познакомилась со своим будущим мужем Михаилом и в 1938 г. вступила с ним в брак. Во время войны и до 1946 г. рассказчица находилась в эвакуации в Курской области. После войны семья решила переехать в Белоруссию.

У Анны Ивановны четыре дочери 1939, 1941 и 1951 г. р., последние девочки — близнецы. Ее муж Михаил в послевоенное время сделал карьеру в партийных органах. В связи с его работой семья часто переезжала. Михаил умер в 1986 г. Сама рассказчица умерла в 2007 г.

Жизнь до замужества

Рассказчица конструирует себя в категориях молодой студентки, не очень способной к некоторым дисциплинам, но старательной и «везучей». Она пользуется успехом у мужчин и активна в выборе партнера. Для Анны Ивановны была очень важной ее девственность, что придавало ей значимость как будущей жене.

Я со всеми гуляла, но учти, что я честная и порядочная, и кому достанусь, я достанусь своей верностью.

Анна Ивановна — рациональная женщина, стратег личной жизни, она подсчитывает выгоды и учитывает свои значимые в то время ресурсы — привлекательность и девственность.

Жизнь в браке до войны

Анна Ивановна свое «Я» конструирует в категориях «жены» и «матери». По ее мнению, неотъемлемым атрибутом брака является рождение ребенка. Это совпадает с семейной моралью того времени.

Я не рожала полтора года, с 3 февраля 1938, а родила только 2 октября 1939. И мой Михаил пошел гулять. Я знала, а что я могла сделать? Я никому ничего не говорила. Он приезжал почти каждый выходной. Дошло до того, что просто ненависть была. Что будет дальше? И по неопытности я родила в 1941 Клаву, через полтора года. Вот и вся жизнь.

Но моя респондентка также предстает как беспомощная женщина, которая не может контролировать внебрачные связи мужа. Она скрывает факт измен, потому что он дискредитирует ее как жену.

Семья и война

Во время войны, когда муж был на фронте, а Анна Ивановна с детьми в эвакуации, она определяла себя как интересную женщину, которая может еще раз выйти замуж. В то же время она — одинокая мать, не получающая материальное пособие на детей при живом муже. Анна Ивановна была настроена на воссоздание семьи и активно реализовала эту цель.

Деньги на детей ни одного разу ни копеечки не высылал. Крутилась, как белка в колесе. Я ему стала часто писать, детские фотографии посылала, чтобы видели, что это семья, помимо братьев и сестер. Нет, мой дорогой, ничего у тебя не получится, как миленький приедешь.

Семья для Анны Ивановны — это уже не только и не столько отношения сексуальные, сколько экономические, отношения воспитания детей.

Жизнь как череда постоянных измен мужа

После войны семья воссоединилась. Муж Михаил уже работал в райкоме партии. Анна Ивановна определяет себя как жену неверного, морально разлагающегося мужа. И она осознает, что это может привести к неприятным последствиям, связанным с карьерным положением мужа, через статус которого уже определяется и статус семьи. Анна Ивановна — спасительница положения мужа.

Так как он себя плохо вел, морально разлагаться стал, Иван его выдворил с работы из Молодечненской области. Я два месяца за ним не ехала, не хотела ехать. Иванов начал уговаривать: куда ты денешься с такой семьей. Если я с ним не уеду, его выгонят с работы. Партийная работа ему не светит. А я бы и работала. Думала, попробую еще раз, может, остепенится.

Анна Ивановна спасает положение мужа, потому что положение семьи во многом зависит от карьерного продвижения Михаила.

Возможность развода не рассматривается рассказчицей. Она выбирает сохранение семьи ради экономической стабильности и материального обеспечения.

Никогда не было мысли с ним развестись. Во-первых, он жалел детей. Во-вторых, я знала, что он их доведет до дела, я сама этого не могу.

Анна Ивановна обеспечивает мужу гарантию неразглашения его аморального поведения и окончательно выбирает стратегию «закры-

тых глаз» — не замечает измен. Этим она гарантирует себе и семье в целом материальные и символические блага.

Интервью представляет собой рассказ о семейной жизни женщины — жены номенклатурного работника, который постоянно ей изменял. С другой стороны, это рассказ о сохранении стабильности семьи. Женщина на протяжении всей жизни в браке выбирает стратегию «закрытых глаз», чем гарантирует себе и семье в целом материальные и социальные блага. Семья для нее — это не только и не столько отношения сексуальные, сколько экономические и отношения воспитания детей. Поэтому спорадическая супружеская неверность не подрывает устои семьи.

Респондентка предстает в рассказе как рациональная женщина, стратег семейной жизни, который постоянно подсчитывает выгоды и затраты и учитывает собственные ресурсы. Рациональная стратегия выбирается потому, что приносит выгоды, гарантирует будущее детям и повышает собственный престиж. Женщина очень дорожит брачным статусом, который для нее дороже, чем все остальное. Поэтому можно терпеть многое и на многое закрывать глаза.

Женственность рассказчица конструирует через брачный статус, через «другого» — своего мужа. Для нее жизнь — это жизнь в браке с этим мужчиной. Ядро ее образа — она как жена, но жена — жертва брака с неверным мужем и в то же время — активное действующее лицо.

Таким образом, это история о том, какой ценой дается устойчивость и благополучие семьи, и о том, чем окупается статус жены высокопоставленного человека.

Литература

Казьмина О., Пушкарева Н. Брак в России двадцатого века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы: Модели для сборки: Сборник статей. Кн. 1 / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004.

Кон И. Сексуальная культура в России двадцатого века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Там же.

Курганов И.А. Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968.

Чуйкина С. «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов // В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2002.

**КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ,
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ,
НОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ**

**материалы научной конференции
студентов и аспирантов**

25 апреля 2009 года, Санкт-Петербург

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 20.04.09
Формат 60x88 1/16. Тираж 120 экз.

**ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Европейский университет в Санкт-Петербурге представляет программу профессиональной переподготовки на факультете истории

«ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ»

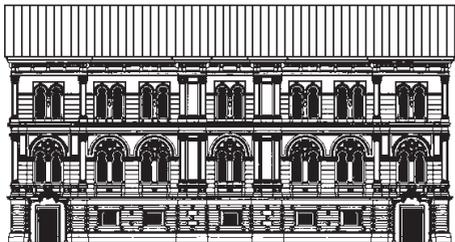
Факультет истории Европейского университета в Санкт-Петербурге готовит специалистов по истории России, историков нового века – исследователей с широкими гуманитарными интересами, знакомых с достижениями коллег в разных отраслях исторической науки и в других обществоведческих дисциплинах, обладающих собственными оригинальными идеями и способных к плодотворной кооперации в рамках международного научного сообщества.

В магистерскую программу факультета входят инструментальные курсы по историографии, источниковедению, новым методам и направлениям в исследовании истории России X–XX вв., мировой исторической науке.

Программа дает возможность получить уникальный опыт совместной работы на семинарских занятиях и в исследовательских проектах с ведущими специалистами Санкт-Петербурга, приглашенными профессорами из Европы и США.

Тесное взаимодействие с другими факультетами ЕУСПб помогает увидеть свое исследование в контексте современной антропологической, политической, социальной, художественной и экономической теорий.

- Интернет: www.eu.spb.ru/history
- электронная почта: history@eu.spb.ru
- телефон/ факс: (812) 275 5141 (факультет истории)
- телефон: (812) 579 06 84 (учебная часть)
- адрес: ул. Гагаринская, д. 3, Санкт-Петербург, 191187

Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) — уникальное учебное заведение аспирантского уровня. Здесь могут продолжить свое обучение те, кто имеет законченное высшее образование в области гуманитарных, общественных или иных наук.

К нам приходят люди с высшим образованием, которые хотят двигаться дальше — повысить профессиональную квалификацию, реализовать научный потенциал, войти в круг свободных мыслящих интеллектуалов.

Европейский университет — это особое сообщество, ориентированное на создание новой интеллектуальной элиты в современной России.

В Университете пять факультетов — **антропологии, истории, политических наук и социологии, экономики, истории искусств.**

При успешном окончании программы слушателям выдаются дипломы магистров ЕУСПб, а также дипломы государственного образца.

В дальнейшем Университет обеспечивает возможность защиты кандидатских диссертаций.

Для участия в конкурсе абитуриент должен представить в Приемную комиссию следующие документы:

1. Заявление в Приемную комиссию (форму заявления можно получить в Приемной комиссии или на сайте Университета).
2. Копию паспорта (страницы с фото и регистрацией).
3. Краткую автобиографию (резюме).
4. Копию диплома о высшем профессиональном образовании (с вкладышем).
5. 4 фотографии размером 3 × 4.
6. Медицинскую справку (Ф.086 у), сертификат о прививках.
7. Заявление о научных намерениях либо потребности в профессиональной переподготовке и повышении квалификации.
8. Список опубликованных научных работ (если имеются).
9. Рекомендации кафедры, факультета, научного руководителя (если имеются).
10. О необходимости представления письменной работы по специальности — см. факультетские правила приема.

Приемная комиссия работает с 1 июля по 14 августа

- электронная почта:
rectorat@eu.spb.ru
- телефоны:
(812) 579 06 84 (ректорат),
(812) 579 06 84 (учебная часть)
- адрес:
ул. Гагаринская, д. 3
Санкт-Петербург, 191187

www.eu.spb.ru

Лицензия А №101820 от 28.03.2007